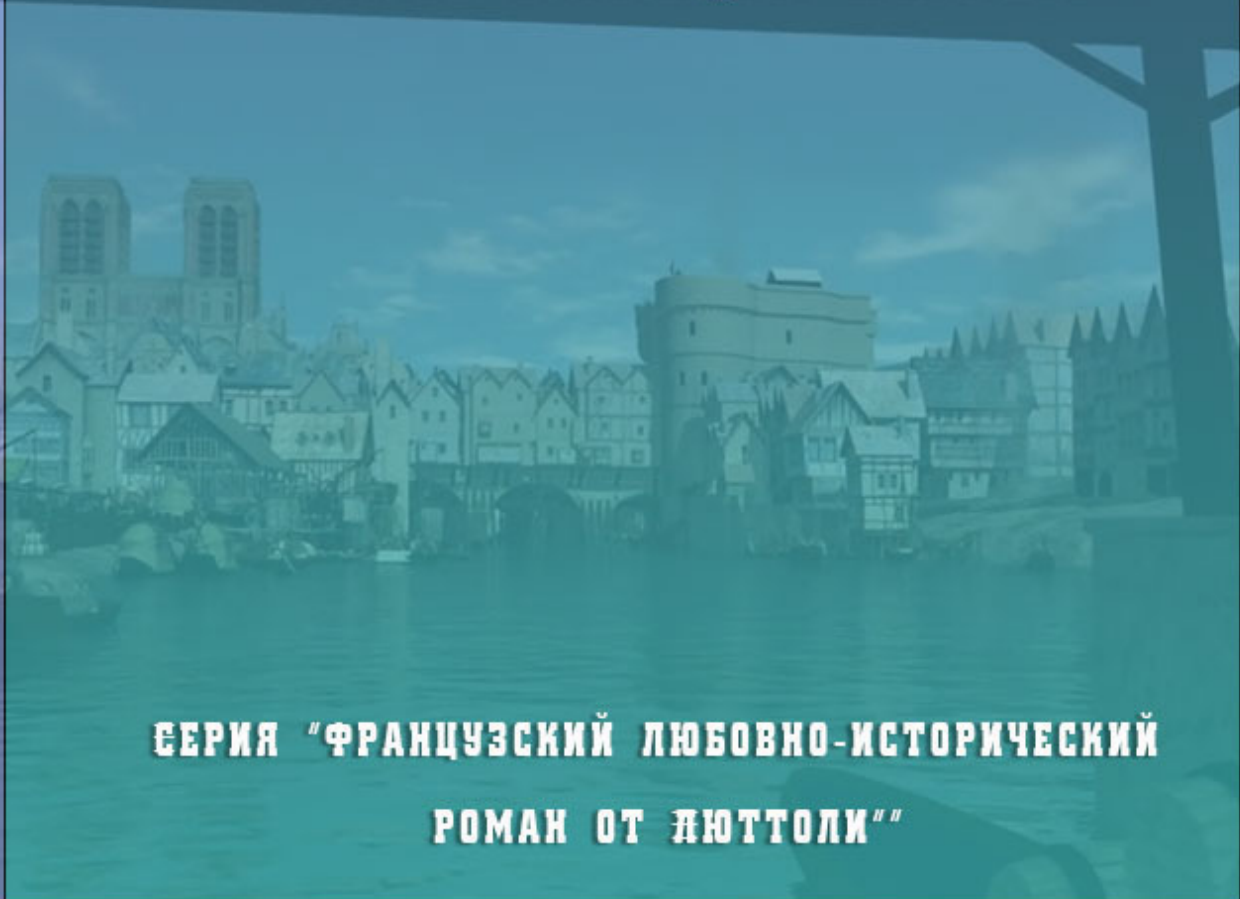

Л
Ю
Т
Т
О
Л
И

A detailed illustration of a medieval town street. The buildings are multi-story, featuring half-timbered facades and steeply pitched roofs. A large, ornate Gothic church with a tall spire stands on the left side of the street. The street is paved and has a few small figures of people walking. The overall color palette is muted, with shades of purple, blue, and brown.

НАКАЗАНИЕ СВАДЬБОЙ

ИСТОРИЯ О ЛЮБВЕОБИЛЬНОМ ГРАФЕ,
КОТОРОГО КОРОЛЬ ПРИНУЖДАЕТ ЖЕНИТЬСЯ

A detailed illustration of a medieval town built on a hillside overlooking a body of water. The architecture is similar to the street scene above, with half-timbered buildings and a prominent church with two towers. A stone bridge or structure is visible in the foreground. The scene is rendered in a teal and blue color scheme.

СЕРИЯ "ФРАНЦУЗСКИЙ ЛЮБОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН ОТ ЖЮТТОЛИ"

Французский любовно-исторический роман от Люттоли

ЛЮТТОЛИ

Наказание свадьбой

«Агаджанов Людвиг Ашотович»

Люттоли

Наказание свадьбой / Люттоли — «Агаджанов Людвиг Ашотович», — (Французский любовно-исторический роман от Люттоли)

ISBN 978-5-903382-057

Граф де Сансер ведёт беспутную жизнь. Любимое занятие графа – это совращать чужих жён и убивать на дуэли их мужей. Король Франции решает примерно наказать графа. Графу даётся ровно один месяц, для того, чтобы жениться на племяннице короля, которая всей душой ненавидит мужчин.

ISBN 978-5-903382-057

© Люттоли
© Агаджанов Людвиг Ашотович

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Люттоли

Наказание свадьбой

Глава 1

– Почему ты не желаешь жениться?

Этот вопрос задал виконт де Валиньи, обладающий весьма неприметной внешностью, однако не лишенный некоторого обаяния, которое выразалось в данный момент в едва заметной улыбке, словно он знал ответ на заданный им вопрос. Виконт сидел в кресле в небрежной позе, лениво следя взглядом за приготовлениями своего друга.

Луи де Бриньон граф Луи являлся полной противоположностью своего друга. Кроме возраста, а обоим едва минуло двадцать пять лет, у них не было ничего общего. Луи обладал выразительной внешностью. Голубоглазый, со светло русыми волосами, доходившими до плеч, и маленькими усами он являл собой образ мужской красоты, ибо черты лица не уступали статности его фигуры. Он был красив и прекрасно знал это. Это чувство сквозило в его взгляде, когда он, стоя перед зеркалом, придирчиво осматривал новый камзол, сшитый одним из знаменитых парижских портных всего несколько дней назад.

Камзол как нельзя лучше подчеркивал статную фигуру графа. Он несколько раз одернул рукава камзола, придавая им положенную раскроем форму, затем пробежался рукой по веренице блестящих пуговиц и только после этого повернулся к своему другу, и вместо ответа задал вопрос.

– Разве я похож на осла?

И сразу же приняв насмешливый вид, сам ответил на свой вопрос:

– Нет, мой друг, ни за что на свете – скорее я предпочту смерть.

– Но ведь когда-нибудь тебе придётся жениться, так почему не сейчас? – весьма резонно заметил виконт де Валиньи.

– Никогда! – отрезал Луи и продолжал тоном, в котором слышалась неприкрытая ирония, – брак превратит меня из охотника в гончую и, вместо того, чтобы увенчивать головы обманутых мужей увесистыми рогами, мне придётся оберегать собственную. Нет уж, увольте сударь! – Луи театрально поклонился другу, – роль охотника прельщает меня несравненно больше. Я не намерен занимать место в длинной очереди тупоголовых болванов. Женщины слишком изобретательны, когда вопрос касается такого тонкого понятия, как измена супругу, поверь, я не раз убеждался в этом на собственном опыте. Они заверяют супруга в верности и преданности, но, едва оставшись одни, прикидывают, каким способом обмануть его и изменяют, чуть ли под самым носом. Бррр! – Луи передернул плечами, на лице отразилась гримаса отвращения.

Де Валиньи невольно рассмеялся.

– Луи, мой друг, ты судишь женщин с одной стороны, забывая, по меньшей мере, о трёх других.

– Возможно, – согласился с другом граф Луи, – но о них мне ничего не известно.

Де Валиньи ничего ответил. Он лишь молча следил за приготовлениями своего друга, который готовился к очередному «походу», как выражался сам Луи.

– Кто на сей раз? – поинтересовался де Валиньи, – не та ли черноволосая баронесса?

– С ней покончено, – отозвался граф Луи, приглаживая свои волосы, – баронесса оказалась на редкость скучной особой. Только и знала, что твердила мне о своих чувствах. Проклятье, сплошное однообразие. Неужели все женщины одинаковы?

– Тебе лучше знать, – тонко заметил де Валиньи, – ты у нас слывёшь знатоком прекрасного пола.

– Пора! – решил граф Луи.

Оглядев себя в зеркале в последний раз, он открыл дверь комнаты и, высунувшись, закричал:

– Диманш!

– Будь осторожен, – предостерег друга де Валиньи, – обманутый супруг может представлять большую опасность.

– Надеюсь что так, – беззаботно отозвался Луи, – было бы неплохо после теплой постели размяться на дуэли.

Де Валиньи осуждающе покачал головой. Подобное легкомыслие могло привести к весьма плачевным результатам. Он отлично понимал это, но попытки объяснить это Луи, не имели успеха.

Обладая бесшабашным нравом, Луи лишь посмеивался над нравочениями своего друга.

– Диманш!

Пожилый слуга без стука вошёл в дверь. Он с явным неодобрением осмотрел своего хозяина.

– Опять? Попомните мои слова, монсеньор, ваши ночные прогулки закончатся на одной из Парижских улочек в объятиях пары дюжин головорезов.

– Перестань ворчать и принеси плащ и шляпу, – голос Луи звучал совершенно спокойно. Он давно привык к репликам Диманша и не обращал на них ни малейшего внимания.

– Лучше бы я остался в Сансере, – с тяжелым вздохом заметил Диманш.

– Ты сам приехал, я тебя не звал, – напомнил ему Луи, – кстати сказать, ты всегда можешь отправиться обратно.

– Ещё чего! – сердито выдохнул Диманш, – без меня вы совсем пропадёте.

– Ну, если все вопросы и наставления исчерпаны, может, ты выполнишь мою просьбу?

– Иду, иду, – бросив сердитый взгляд на улыбающегося Луи, Диманш отправился вниз.

– Я полностью согласен с ним, – подал голос де Валиньи.

– Антуан, – Луи косо посмотрел на своего друга, – ты становишься похожим на моего дядюшку.

– Кстати о твоём дядюшке, – неожиданно вспомнил де Валиньи, – надеюсь, ты не забыл о приёме? Герцог Бурбонский передал, что не потерпит твоего отсутствия.

Граф де Сансер нахмурил брови при этом известии.

Вот уже, второй год его беспокойный дядюшка герцог Бурбонский пытался навязать ему брак. Герцог являлся опекуном Луи и, пользуясь своим правом, настаивал на своём решении. Однако, несмотря на многочисленные попытки герцога, Луи до сих пор удавалось избегать ненавистного брака. К чему только его дядюшка не прибегал, какими только ухищрениями не пользовался, но Луи держал ухо востро. И в свою очередь, сколько ни уговаривал Луи дядюшку бросить затею с его браком, тот настаивал на своём. Луи начал склоняться к мысли, что лишь прямое столкновение с герцогом избавит его от настойчивости дядюшки. Хотя он не мог не понимать, чем грозит ему прямое неподчинение. Наконец, он махнул на всё рукой. Каким бы не стало для него наказание – это лучше, чем брак. Утвердившись в своём намерении, он стал лишь ждать очередной попытки герцога Бурбонского для того, чтобы открыто заявить о своём нежелании жениться ни сейчас, ни когда бы то ни было. И вот, кажется, час настал, ибо он не сомневался в истинной причине приёма, устраиваемого дядюшкой.

Наследник знатного и богатого рода, он привлекал к своей особе повышенное внимание, но на сей раз, он отобьёт охоту у всех, кто имеет на него виды. Граф Луи принадлежит только графу Луиу. Но всё же, слова де Валиньи стали для Луи весьма неприятным известием.

– Чёрт бы побрал моего дядюшку! – в сердцах вырвалось у Луи, – неужто так трудно оставить меня в покое? Сколько раз я твердил ему, что не собираюсь жениться, а он снова за своё. Могу поклясться, он вновь заведёт разговор про то, насколько хорошо иметь супругу, что необходимо иметь наследников и остальную ерунду про семью. Держу пари, что он и невесту мне подыскал. Проклятье!

– Она довольно хороша собой, знатна, богата, – улыбаясь, сообщил де Валиньи.

Слегка удивлённый взгляд Луи остановился на де Валиньи.

– Откуда тебе известно?

– Сожалею мой друг, но в Париже все, кроме тебя знают про будущую графиню Луи, – де Валиньи и не пытался скрыть злорадства в голосе.

– Предатель!

Де Валиньи рассмеялся открыто и весело, в то время как Луи с угрюмым видом смотрел на него.

– Надеюсь, моё предательство не послужит поводом для твоего отказа? – де Валиньи явно наслаждался моментом, – я обещал герцогу, что доставлю тебя во дворец!

– Никоим образом, мой друг, – ответил Луи, на губах которого заиграла загадочная улыбка.

При виде этой улыбки радостное настроение де Валиньи, как ветром, сдуло.

– Мне не нравится твоя улыбка. Всякий раз, когда ты улыбаешься, таким образом, происходят весьма неприятные для окружающих события.

Появился Диманш.

Не отвечая де Валиньи, Луи накинул на плечи плащ, надел шляпу с слегка изогнутыми краями и, вооружившись шпагой с кинжалом, поспешно покинул дом.

– Неисправим, – вслед ему напутствовал Диманш.

– Мне надо дождаться Луи, – поднявшись с кресла, сказал де Валиньи, – надеюсь, у тебя найдется бутылка доброго вина?

– Идемте, ваша светлость! У Диманша всегда найдётся угощение для добрых друзей моего хозяина.

Выйдя из дверей своего особняка, который находился на улице Святого Якова, Луи плотнее укутался плащ и быстро зашагал вперёд, в сторону Сен-Дени, чьи купола возвышались перед ним. Накрапывал небольшой дождь, луна едва освещала улицы ночного Парижа, но Луи уверенной походкой двигался в нужном ему направлении. Через четверть часа Луи миновал собор, оставил его справа от себя, и направился к мосту через Сену, который соединял левый берег с правым.

Мост выглядел безлюдным. Одинокое прохожие опасливо озирались на него, но Луи не обращал на них внимания. Перебравшись через мост на другую сторону, Луи сразу же свернул налево, в сторону возвышающегося впереди Лувра. Миновав несколько домов, Луи остановился на перекрёстке двух улочек и, укутавшись ещё больше в плащ, прижался спиной к каменной стене. Дневной шум улиц сменила привычная ночная тишина. Луна полностью скрылась за тучами. Улочку едва-едва освещал одинокий конусообразный фонарь, прикрепленный к деревянному столбу.

Прижавшись к стене, граф из под опущенной полы шляпы пристально следил за двухэтажным каменным особняком. Особняк, находился не более чем в тридцати шагах от того места, где он стоял и был огорожен железной решёткой по всему периметру. Похоже, там все спали, ибо как ни всматривался Луи, нигде в доме не заметил ни одного огонька.

Часы на площади пробили десять часов.

– Пора, – пробормотал Луи, обращаясь к самому себе, – а её всё нет. Неужели она серьёзно полагает, что я стану дожидаться, словно нищий на паперти? Если она не появится через минуту...

Луи прервал разговор с самим собой, ибо в эту минуту заметил, как на балконе, примыкающем к дому с левой стороны, показался огонёк, а вслед за ним услышал весьма характерное шуршание. Через мгновение огонёк исчез. Луи торопливо пересёк улицу и, подойдя к железной ограде, окружавшей дом, перелез через неё. Оказавшись в саду, он, стараясь не шуметь, направился в сторону балкона. Как он и предполагал, с балкона свисала верёвочная лестница. Схватившись за неё Луи, без видимых усилий достиг балкона. Очутившись на балконе, Луи вытянул вперёд руки и двинулся вперёд. Из-за темноты он совершенно ничего не мог разглядеть. И едва раздражение успело его охватить, как его руки упёрлись во что-то мягкое, и женский голос с нежностью произнёс;

– Сюда, мой возлюбленный Луи!

Ощутив руку женщины, Луи послушно двинулся за ней. Ночной дождь уступил место приятной теплоте.

– Мой возлюбленный!

Шёпот перешёл в нежное объятие, а затем Луи почувствовал прикосновение губ.

– Изабель, зажги свечу! – попросил Луи.

– Нельзя, – раздалось в ответ, – мой муж спит в соседней комнате, к тому же в полной темноте всё выглядит совершенным.

Она явно скрывает какой-то недостаток, – подумал Луи, но дальнейшие мысли прервали настойчивые объятия Изабель. Луи не стал ждать и принялся обследовать руками тело Изабель. Начав с лица, он погладил шею и собирался коснуться её груди, как ощутил пустоту.

– Проклятье, я ничего не вижу, – пробормотал Луи, хватая руками пустое пространство.

– Вот они, – раздался шёпот Изабель, а вслед за этим Луи почувствовал, как она взяла его руки и положила на свои обнажённые груди.

– Они жаждут твоих прикосновений, они жаждут твоих поцелуев.

– Они всё получают! – прошептал в ответ Луи.

Он послушно лёг в постель и позволил Изабель раздеть себя и делать всё, что ей заблагорассудится. Луи расслабился от нежных ласк Изабель.

Как ни странно, но его увлекала не столько любовная встреча, сколь опасность, которая её сопровождала. Ведь в любой момент их могли бы обнаружить.

Они занимались любовью не менее часа, правильнее сказать Изабель, потому что Луи почти остался равнодушным. Изабель изначально ему не нравилась и, если он пришёл к ней, то только из-за того, чтобы сохранить репутацию сердцееда и повесы. Луи заложил руки за голову и растянувшись, рассеянно прислушивался к торопливому шёпоту Изабель.

– Красавчик Сансер здесь, в моей постели! С ума можно сойти. Как я рада, как счастлива, что ты, наконец, внял моим молитвам. В течение целого месяца я писала тебе письма, в которых просила, умоляла о встрече, а ты не отвечал, я уже и не надеялась.

– Поверьте, сударыня, мольбы красивой женщины всегда доходят до моего слуха, – голос Луи прозвучал фальшиво.

– Сударыня? Слишком холодное слово. Называй меня «Возлюбленной Изабель»!

Изабель потерлась ногами о его тело.

Час от часу, не легче, – подумал Луи, – вначале она меня называет возлюбленным, затем требует от меня того же. Интересно, что будет дальше?

Луи почувствовал неудержимое желание немедленно покинуть Изабель и с этой целью осторожно заговорил.

– Изабель, сожалею, но мне придётся покинуть вас. Видите ли, мой...

– Ничего не желаю слушать, – послышался капризный шёпот Изабель, – я не выпущу тебя из своих объятий. Останешься до утра, мой Луи, нет, до завтрашней ночи. Я притворюсь, больной и скажу мужу, чтобы не беспокоил меня. Мы сможем наслаждаться нашей любовью два дня, а потом ещё и ещё, мой возлюбленный Луи, я так счастлива. Никто из моих подруг

не верил, что мне удастся влюбить в себя красавца Сансера. Представляю, с какой завистью они будут смотреть на меня!

Изабель тихонько захихикала. – Ещё бы, красавчик Сансер влюбился в Изабель! Эту новость будет обсуждать весь Париж.

Пламя адово, с кем я связался? – подумал Луи.

– Я снова желаю тебя, мой возлюбленный Луи, – рука Изабель целенаправленно двинулась по телу Луи к определённой точке.

– Этому не бывать никогда больше, – с внезапным чувством отвращения подумал граф Луи.

Он незаметно вытянул правую руку в поисках какого-либо предмета. Нашупав предмет, по форме напоминавший кувшин, Луи схватил его за горлышко и приподнял вверх.

– Мой Луи! – страстные слова Изабель были прерваны грохотом разбившегося кувшина.

– О, Господи, – испуганно прошептала Изабель, – вы же разбудите моего мужа.

– Я нечаянно разбил, – с притворным раскаянием пробормотал де Сансер.

Той же рукой он стал шарить по полу в поисках одежды. Услышав скрип отворяемой двери в соседней комнате, де Сансер поднялся с постели. Он почти оделся, когда за дверью раздался мужской голос:

– Изабель, дорогая, с тобой всё в порядке?

– Да, – придав голосу сонные нотки ответила Изабель, – я во сне нечаянно разбила кувшин. Идите спать, мой дорогой муж, не стоит за меня беспокоиться. – Не смейте одеваться, – прошипела Изабель в сторону де Сансера, – этот болван сейчас уйдет. Слово подтверждая её слова, за дверью раздался мужской голос.

– Хорошо дорогая! Спокойной ночи!

– Вам тоже сударь! – громко произнёс де Сансер, – о супруге не беспокойтесь. Она в надёжных руках.

– Мерзавец, – услышал де Сансер гневный голос Изабель.

За дверью, после минутной тишины, раздались истомные крики, в дверь со всей силы заколотили.

– Блудница! Мерзавка! – кричал обманутый муж.

Снаружи послышался топот ног. Видимо, на шум сбегались слуги.

– Ломайте дверь!

Эти слова подействовали на графа де Сансера как призыв к бегству.

– Господи, что со мной будет, что будет? – повторяла Изабель.

– Уверен, вы легко выпутаетесь из создавшейся ситуации, – насмешливо бросил де Сансер.

И, прежде чем выскользнуть на балкон, добавил.

– Примите, дружеский совет сударыня. Не изменяйте своему супругу!

– Пошёл вон, мерзавец, – уже громко закричала Изабель, – Жорж... Жорж... в моей спальне находится незнакомый мужчина. Он пристаёт ко мне, о господи скорей, скорей...

Луи расхохотался. Хохоча, он в мгновение ока спустился по лестнице, перемахнул через ограду и бросился бежать по улице.

Наконец, запыхавшись скорее от смеха, чем от бега Луи остановился.

– И после всего этого они хотят меня женить, – весело подумал Луи, – ну что ж, дорогой дядюшка, посмотрим, что вы припасли для меня на сей раз.

Застегнув, наконец, камзол, Луи отправился домой.

Глава 2

Спустя некоторое время, Луи бок о бок с де Валиньи въехал в ворота особняка. Копыта лошадей гулко цокали по каменной дорожке, которая была ярко освещена многочисленными факелами. Несколько десятков карет стояли напротив входа в особняк. Всюду царил переполох. Занятые неотложными делами, по двору сновали слуги.

Де Валиньи присвистнул.

– Похоже, твой дядюшка устраивает приём с размахом!

Не обращая внимания на его слова, Луи спешился. Валиньи слез с коня вслед за ним. Они привязали коней рядом с каретами и неторопливо вошли через широкую массивную дверь внутрь.

В зале Бурбонского дворца находилось не менее полусотни гостей. Разбившись на небольшие группы, они вели оживлённую беседу в ожидании начала пиршества. Музыканты наигрывали весёлую мелодию. Здесь же слуги с поспешностью накрывали столы.

В стороне от всех стоял герцог Бурбонский с весьма хмурым лицом. Он то и дело нетерпеливо поглядывал на входную дверь.

– Он не придёт монсеньор? – герцог Бурбонский обернулся, услышав голос.

– Придёт, Люсинда, не сомневайся, – уверил молодую девушку герцог.

Молодая особа отошла от герцога с весьма печальным видом. К ней тут же подошли несколько дам с поздравлениями.

Оглядевшись, герцог Бурбонский заметил, что не он один поглядывает на дверь. Похоже, многие с нетерпением ожидали появления его несносного племянника и, более всего, Люсинда. Она вообще не отрывала взгляда от входной двери, ведущей в зал. Чувствовалось, что она отвечает невпопад своим собеседницам.

– Граф Луи! – объявил громко дворецкий.

Бросив мельком взгляд на Люсинду, герцог Бурбонский увидел, каким радостным стало выражение её лица. Он посмотрел на Луи, который, как ни в чём ни бывало, двигался по залу, расточая комплименты дамам и вежливо раскланиваясь со своими знакомыми. При этом, он словно не замечал присутствия своего дяди. При виде такого пренебрежения к своей особе, герцог Бурбонский помрачнел.

Луи украдкой следил за своим дядей и видел, как меняется лицо герцога.

– Пора, – наконец решил он, – дальше тянуть нельзя.

Молодая изящная дама коснулась веером его руки.

– Негодник, – кокетливо заметила дама, – о том, что собираетесь жениться, вы могли поставить меня в известность. Впрочем, я надеюсь, что между нами всё останется по-прежнему и вы сможете навещать меня изредка. Надеюсь, ваша невеста не станет возражать против этих, в высшей степени безобидных встреч. Возможно, я ошибаюсь. Судя по всему, она весьма ревнивая особа.

– Кто? Ты о ком говоришь Клементина? – Луи удивлённо воззрился на свою собеседницу, а затем проследил за её взглядом и увидел юную особу, стоявшую в окружении дам, и не сводящую с него взгляда.

Луи неприятно поразил этот взгляд. Так смотрят на вещь, которая принадлежит тебе.

Легко коснувшись руки Клементины, Луи извинился.

– Мне необходимо поговорить с дядюшкой!

– Иди, и в следующий раз, граф, – громко добавила она, – постарайтесь не опаздывать на собственную помолвку.

В зале послышалось едва сдерживаемый смех.

Луи остановился и с удивлением посмотрел на Клементину.

– С чего вы взяли, будто сегодня моя помолвка?
– Так сказано в приглашении, которое нам прислали, – послышался насмешливый ответ.
– Нет нужды спрашивать, кто вам прислал их, – с виду спокойный Луи повернулся и направился к своему дяде.

Отвесив лёгкий поклон, он поднял взгляд на герцога.

– Не желаете мне объяснить происходящее? – с едва сдерживаемым гневом спросил Луи.

– Ты женишься! – коротко ответил герцог Бурбонский.

– Вот как? – Луи почему-то развеселил ответ герцога, – и как вы собираетесь принудить меня к браку?

– Я не собираюсь тебя принуждать. Ты по доброй воле поведёшь к алтарю ту, которую я выберу для тебя, – жёстко ответил герцог Бурбонский.

– Нет! – спокойно отчеканил Луи.

– Нет?

– Нет, – твёрдо повторил Луи, – я никогда не женюсь. Это моё решение, и никто не сможет убедить меня в обратном.

– Позволь спросить, – голос герцога Бурбонского сорвался на крик, – до каких пор ты будешь позорить доброе имя твоего отца? До каких пор ты будешь выставять меня посмешищем перед всем Парижем? Я не говорю о его величестве, у которого я был на аудиенции не далее, как сегодня утром. Его величество указал на недопустимость твоего поведения и пригрозил расправой в случае, если ты не образумишься. Я стоял с красным от стыда лицом, не в силах сказать что-либо в твоё оправдание, ибо говорить было нечего. Ты в полной мере заслужил гнев его величества, равно как и мой. Твоё поведение непростительно. Оно достойно самого серьёзного осуждения.

– Моё поведение? – Луи недоумённо пожал плечами, – я всего лишь сказал, что не желаю жениться...

– Луи, – грозно и резко оборвал его герцог Бурбонский, – его величество едва ли не ежедневно выслушивает на тебя жалобы. Я их выслушиваю вдвое больше. Ты пользуешься всеми возможными способами, чтобы пробраться в спальни добропорядочных женщин, а если обманутый муж посмеет обвинить тебя – ты вызываешь его на дуэль и убиваешь. Поступок ещё более бесчестный. Этому надо положить конец, немедленно. Ты должен жениться.

– Это произошло всего лишь однажды, – попытался оправдаться Луи, – но не мог же я, в конце концов, позволить убить себя?! После того случая я и не думал...

– Вот он! – раздался истошный крик.

Взгляды всех присутствующих устремились на невысокого полного мужчину, который стремительно ворвался в зал.

Только его не хватало, – подумал Луи, узнав в прибывшем мужа Изабель, виконта Ле Гранье.

Достигнув Луи, Ле Гранье возопил, обращаясь к герцогу Бурбонскому.

– Монсеньор! Я требую справедливости! Этот человек, – рука виконта была направлена на Луи, – пробрался в спальню моей супруги и пытался обесчестить её.

– Почему же пытался?

– Замолчи Луи, – с ужасом воскликнул герцог Бурбонский, – твоё поведение не имеет оправданий.

– Моё поведение касается только меня, – Луи, которому начал надоедать весь этот фарс, ответил излишне резко. Следующие слова были предназначены обманутому мужу.

– Сударь! Я действительно переспал с вашей супругой и отнюдь не против её воли. Вы можете принять мои извинения или я приму ваш вызов.

Слова Луи мгновенно утихомирили виконта. Он прекрасно понимал, чем грозит ему поединок.

Приняв оскорблённый вид, виконт ответил:

– Я приму ваши извинения вместе с обещанием никогда впредь не приближаться к моей супруге.

– Оно у вас есть! – Луи поклонился виконту и в это мгновение раздался голос пьяного барона дю Рено.

– Мою супругу ему не удалось прибрать к рукам.

Оставив виконта, Луи направился к барону. Прежде он никогда не видел его, ровно как и его супругу. Прозвучавшие слова вызвали у него лёгкое удивление.

– Поверьте, сударь, я никоим образом не пытался совершить то, в чём вы меня обвиняете, я незнаком с вашей супругой.

– Ложь! – закричал в ответ барон дю Рено, – супруга не раз рассказывала мне о ваших домогательствах. Вашему поведению нет прощения. Мы просто обязаны избавить общество от подобной гнусности.

– Вы дважды оскорбили меня, – с виду спокойно произнёс Луи, хотя в душе его клокотала ярость, – поэтому, либо вы немедленно попросите прощения, либо я убью вас.

– Ни первое, ни второе. У вас ничего не выйдет. Я не попрошу прощения и не буду с вами драться. Можете меня убить прямо здесь, если хотите, – пьяный барон расхохотался прямо в лицо Луи.

Все присутствующие прекрасно понимали, что обнажать оружие против безоружного Луи не станет. Барон поставил его в дурацкое положение.

– Хорошо, – после недолгого раздумья сказал Луи, – я найду третий способ наказать вас.

– И какой же? – насмешливо поинтересовался дю Рено.

– Пересплю с вашей женой!

– Вам не разозлить меня граф!

– В вашем же доме, слово чести!

– Луи, – герцог Бурбонский схватился двумя руками за голову, – немедленно прекрати. Немедленно.

– На этот раз наши желания совпадают, монсеньор! – Луи отвесил ему поклон, затем один общий и быстро зашагал к выходу.

– Ты будешь наказан! – вслед ему закричал герцог Бурбонский.

– Извольте, буду с нетерпением ждать, – не оборачиваясь, бросил Луи и вышел из зала.

Де Валиньи догнал его, когда Луи уже вскочил на коня.

– Ты что, совсем обезумел? – закричал на друга де Валиньи, – в присутствии стольких людей высказал полное неуважение к гер...

– Где обитает барон дю Рено? – перебил его Луи.

– У него замок в тридцати лье от Парижа, – де Валиньи осёкся, почти с испугом глядя на Луи. – Надеюсь, ты не собираешься сделать того, о чём говорил?

– Виконт! – выразительно ответил Луи, – я никогда не даю обещаний, но если даю – обязательно выполняю их.

Оставив друга, Луи пришпорил коня.

Глава 3

Десятью днями позже после описанных выше событий, в небольшой живописной деревушке, что находилась вблизи замка дю Рено, появился одинокий всадник. Это был ни кто иной, как Луи – собственной персоной. Миновав окраину, он спешился возле маленькой, на вид убогой церкви. Осенив себя, Луи без промедления вошёл внутрь.

Убранство церкви было под стать её внешнему виду. Несколько рядов грубо сколоченных деревянных скамеек и несколько десятков изображений с ликами святых. И лишь впереди, у самой стены, висело большое изображение распятого Христа.

Луи подошёл к распятию и преломил колени. В тишине церкви зазвучали слова молитвы. Сплета пальцы и опустив голову, Луи с пылом и страстностью произносил слова молитвы. Закончив молиться, он перекрестился и встал с колен.

– Сын мой, ты прибыл издалека? Прежде я тебя здесь не видел!

Отец Бенедикт, местный священник подошёл к Луи.

– Вы правы святой отец, – придав голосу нотку грусти, отвечал Луи, – я прибыл издалека.

– И что привело тебя, сын мой, в наши края?

– Я грешен, святой отец, – сокрушённо ответил Луи, – моя душа нуждается в исповеди.

Священник сочувственно покачал головой в знак того, что прекрасно понимает его состояние. К нему приходило много людей, и все они начинали приблизительно с этих слов.

– Приходи завтра, сын мой, – посоветовал отец Бенедикт, – сегодня я не могу помочь тебе, ибо получил послание от барона с просьбой прибыть в замок. Баронесса занемогла. Она нуждается в утешении.

Лучше и быть не может, – подумал Луи, – баронесса действительно нуждается в утешении, но вам, святой отец, это сделать не под силу.

Изобразив на лице глубокую печаль, Луи схватил священника за руку.

– Вы не можете оставить меня с таким горем, – горестно воскликнул он, – возможно, я не доживу до утра. Помогите святой отец, клятва, данная мной, тяжким бременем лежит на моей душе.

– Хорошо, сын мой, – поколебавшись, согласился священник, – я выслушаю тебя, только будь краток.

– Благодарю от души, святой отец, благодарю вас!

Луи последовал за священником в исповедальню. Отец Бенедикт открыл в перегородке маленькое окошечко, огороженное решёткой.

– Слушаю тебя сын мой!

С чего же начать? – думал Луи, – проклятье, я ни разу не был на исповеди.

– Я жду, сын мой, – раздался голос отца Бенедикта.

– Я грешен, отец мой!

Начало неплохое, – подумал Луи, и выдумывая по ходу развития исповеди, продолжал.

– Несколько месяцев назад, я оказался в одном неудобном богу месте, за что до сих пор не могу простить себя.

– Говорите понятнее, сын мой, о каком месте идёт речь?

– Я имею в виду женщин лёгкого поведения, святой отец.

– Сие богопротивное место, – согласился отец Бенедикт, – однако, я тебя слушаю, продолжай, сын мой.

– Так вот, я уединился в этой богопротивной обители с одной из девиц, – Луи лгал свободно, без угрызений совести, – больше всего меня привлекли пышные груди этой девицы. Я знаю – это страшный грех, но у меня слабость к таким вещам.

– Продолжай сын мой!

– Мы с этой девицей стали грешить.

– Ты женат, сын мой? – перебил его вопросом священник.

– Нет, отец!

– Твой поступок не может считаться грехом, ибо ты не связан супружеским обетом и, если это всё...

– Вы облегчили мою душу, святой отец, – с пылом воскликнул Луи, – но вы выслушали лишь часть моего грехопадения. Правда в том, что в ту ночь я поссорился с этой девицей, напился и дал клятву, которую до сих пор не могу исполнить.

– Что это за клятва, сын мой? – священник понемногу начал терять терпение.

– Я поклялся, что найду священника, который не откажется выпить со мной пару бутылок хорошего вина.

– Твои слова грешны, сын мой. Ибо нам не дозволяется употреблять ничего, кроме простой воды!

– Величайшая несправедливость, – заметил Луи.

– Мы всего лишь слуги божьи и делаем то, что велит нам господь, – скромно ответил священник.

– Разве господь не крестил вином и хлебом?

– Да, но...

– Прибавьте к этому облегчение, которое принесёт ваша жертва.

– Я не могу помочь тебе, сын мой, – не очень уверенно ответил отец Бенедикт.

– Добавьте к этому жирного жареного фазана. Неужели вы откажете страждущему и обречёте его на мучения?

По-видимому, в душе священника происходила борьба, так как он долгое время молчал.

– Хорошо, – согласился, наконец, отец Бенедикт, – ради спокойствия твоей души, я возьму этот грех на себя, сын мой.

– Отец, от всей души благодарю вас, – Луи радовался искренне. Первая часть, самая сложная, как он считал, удалась на славу.

Оставив коня, он пешком с отцом Бенедиктом отправился в харчевню. Там он без зазрения совести напоил за несколько часов не только отца Бенедикта, но и всех кто находился в харчевне. Лишь убедившись, что отец Бенедикт находится в нужном для него состоянии, Луи покинул харчевню.

Отца Бенедикта, который не в состоянии был ходить, вызвали отнести в церковь трое из местных, которым Луи щедро заплатил. Они внесли бесчувственного священника в церковь и уложили под распятием Христа, а затем сразу вышли.

Луи, оставшись один, недолго думая, стянул рясу со священника и накинул на себя. Он поправил складки и проверил, заметна ли из-под рясы шпага. Убедившись, что складки рясы надёжно скрывают шпагу, он накинул капюшон на голову таким образом, чтобы не было видно его лица, и торопливо вышел из церкви.

Те трое всё ещё стояли возле церкви и с крайним изумлением смотрели на отца Бенедикта, который с необычайной лёгкостью вскочил в седло коня.

– Уже протрезвел! – пьяным голосом заметил один из них.

– Да ещё похудел, бедняга! – заметил второй.

– Может, пойдём, выпьем? – предложил третий.

Луи не слышал этот разговор. Он погнал коня во весь опор к замку дю Рено. Наступала темнота, лучший помощник в затеянном им деле. О подстерегающих его опасностях он не думал. В голове сидела только одна мысль – барон дю Рено должен быть наказан.

Луи подъехал к воротам замка в полной темноте и, надвинув глубже капюшон на лицо, громко застучал в ворота.

Стража на стенах зевала после обильного ужина. Они с безразличием взирали сверху на подъехавшего всадника.

– Чего рты разинули? – раздался окрик начальника стражи, – это отец Бенедикт, его сиятельство ждёт его.

После недолго ожидания ворота со скрипом открылись. Луи въехал во двор, где его встретили трое стражников с горящими факелами. Один из них с явным изумлением смотрел на него.

– Отец, вы же говорили, что не выносите лошадей? – раздался его удивлённый голос.

– Спешил к страждущей душе, – Луи гнусавил, подражая голосу священника, – помоги слезть с лошади, сын мой.

– Сейчас, отец! – стражник поддерживал Луи, пока он, кряхтя, слезал с лошади.

– Проклятая тварь, прости меня господи за богохульство, – Луи набожно перекрестился.

Один из стражников опустился перед ним на колени.

– Благословите святой отец!

– Отпускаю все твои грехи, во имя отца, сына и святого духа! – Луи перекрестил коленами попреклонённого стражника.

– Я же просил благословения, святой отец, – неуверенно произнёс стражник.

– Господь говорил нам; пусть тот кинет в нас камень, кто сам безгрешен!

Что я несу? – подумал Луи, поспешно ретируясь с места событий.

– Святой человек! – с восхищением глядя ему вслед, проговорил стражник.

В холле замка мнимого священника встретил сам хозяин замка – барон дю Рено. Он долгое время с неприкрытым удивлением рассматривал прибывшего, и Луи, которому начало казаться, что его затея провалилась, нащупал шпагу под полой рясы.

– Святой отец, вы сильно исхудали, – раздался, наконец, голос барона.

Луи не смог сдержать облегчённого вздоха.

– Пост и молитвы, сын мой, – прогнусавил Луи.

– Пойдёмте святой отец, баронесса с самого утра чувствует себя неважно. Она всё время просит привести вас к ней, не могу понять, что с ней. А почему вы так сильно задержались? – неожиданно спросил барон.

– Причащал кузнеца, – не думая, ответил Луи.

– А я не знал, что наш кузнец умер? – удивился барон, – как это случилось?

Если бы он только мог видеть улыбку Луи в это мгновение.

– Повесился бедняга, когда узнал, что жена ему изменила!

Барон перекрестился.

– Господь прими его грешную душу.

Вслед за бароном, Луи поднялся по узкой лестнице на второй этаж и по длинному коридору, на стенах которого висели факелы. Миновал несколько комнат. Возле последней барон остановился и открыл дверь перед Луи. Луи не замедлил войти внутрь. Барон вошёл следом. Убедившись, что баронесса не спит, он шёпотом обратился к Луи.

– Прошу вас, святой отец, помогите моей любимой супруге!

– Не сомневайся в божьей силе, сын мой! – ответил Луи, молча провожая барона взглядом.

Когда барон вышел из комнаты, оставив его наедине с баронессой, Луи повернулся к больной.

Баронесса лежала в широкой постели укутанная несколькими одеялами. У изголовья горели свечи, а сама она выглядела весьма подавленно и с надеждой смотрела на священника.

Луи пододвинул стул к изголовью.

– Итак, дитя моё, ты скажешь мне, что тебя беспокоит?

Баронесса выпростала из под одеяла руку и схватив ею руку Луи, с мольбой воскликнула:

- Спасите меня святой отец, я грешна и я умираю!
- Откройся, дитя моё, и я смогу помочь тебе!
- Да, да, – торопливо зашептала баронесса, – это всё из-за него, из-за графа Луи. Я безумно влюблена в него, я всё время думаю о нём и...
- Поэтому ты солгала своему супругу?
- Откуда вы знаете? – Луи не мог не заметить бледности баронессы.
- Я присутствовал там! – Луи заговорил обычным голосом.
- Поднявшись со своего места, он одним движением сбросил капюшон, обнажая лицо.
- Вы? – вырвалось у баронессы, – вы здесь?
- Я всегда держу слово, баронесса! – не сводя с неё пристального взгляда ответил Луи, – хотя и оказался втянут в эту историю помимо своей воли.
- Простите, бога ради, граф, – взмолилась баронесса, – я не желала причинить вам вреда, я всего лишь мечтала...
- Теперь поздно сожалеть, сударыня, – перебил её Луи, – мы должны исправить то, что вы сделали.
- Я не знаю, как... – пролепетала баронесса.
- Луи бросил на неё весьма выразительный взгляд, от чего щёки баронессы тут же заалели.
- Вы лжёте, сударыня. Вы прекрасно знаете, почему я здесь. Вы получите то, чего так желали. Раздевайтесь, сударыня!
- Ровно через час барон дю Рено увидел выходящего отца Бенедикта.
- Как баронесса? – сразу же с беспокойством спросил барон.
- Взгляните сами! – отвечивал Луи.
- Барон приоткрыл дверь в покои своей супруги. Ему сразу же бросились в глаза пунцовые щёки баронессы.
- Она казалась умирающей, а сейчас просто дышит здоровьем. Вы сотворили чудо, святой отец!
- Старался, как мог, – скромно ответил Луи.
- Барон дю Рено собственноручно проводил священника до ворот. По дороге, он непрерывно рассыпался в благодарностях. Он довёл его до коня и помог взобраться в седло, затем крикнул страже, чтобы отворили ворота. Едва ворота отворились, Луи обратился к барону.
- Сын мой?!
- Что, святой отец?
- Луи протянул барону подвязки его супруги. Барон недоумённо разглядывал подвязки, а Луи тем временем откинул капюшон с лица.
- Помните ли вы, обещание, которое я вам дал? Я сделал больше сударь. Вы собственноручно проводили меня к своей жене. Да ещё и поблагодарили.
- Луи пришпорил коня, вылетая из ворот. Вслед ему смотрел, остолбеневший от ужаса происшедшего, барон дю Рено.
- Через несколько мгновений, Луи различил проклятия, которыми сыпал барон в его адрес.
- Так тебе и надо! – злобно подумал Луи и тут же расхохотался.

Глава 4

В то время, когда Луи бешеным галопом въезжал в свой родовой замок, в Сансере, в другом не менее славном, чем Париж городе, происходило немало удивительных событий. Но мы не станем останавливаться на них пристального внимания, а обратимся к более незначительным.

Во все времена Орлеан являлся неотъемлемым доменом французского королевства. По заведённому порядку, титул герцога Орлеанского получал второй по старшинству сын короля Франции, впрочем как и весь город с прилегающими окрестностями. Орлеан, безусловно, не мог сравниться в великолепии с Парижем, здесь не было двора в том значении, которое придавалось ему в Париже, но тем не менее, жизнь в городе бурлила с не меньшим подъемом. Едва ли не главной достопримечательностью города, по утверждению самих горожан, являлся сам дворец герцогов Орлеанских, расположенный в западной части города. Прямо перед дворцом находилась площадь с каменной мостовой. Посередине площади стоял величественный памятник Карлу V.

Площадь являлась излюбленным местом горожан. Именно здесь брали начало все сплетни, ходившие по городу. Местная знать наряжалась в свои лучшие одежды и подчас целыми семействами прогуливалась по площади. Большинство разговоров на площади начинались с восклицания: «А вы знаете?»

Находясь на площади, можно было видеть второй и третий этажи дворца герцогов Орлеанских с массивными окнами. Первый был скрыт от взора стеной, окружающей территорию дворца по всему периметру. Прямо напротив статуи находились глухие железные ворота. Два стражника днём и ночью стерегли въезд во дворец. Правое крыло дворца первого этажа занимала прислуга, здесь так же находилась кухня и другие подсобные помещения. Поднявшись на второй этаж, мы могли увидеть огромный пиршественный зал, где обычно устраивались балы и приёмы. Здесь же находился личный кабинет и приёмная герцога Орлеанского. Третий этаж состоял из целой вереницы комнат, служивших опочивальнями для хозяев и гостей замка. Дворец отличала роскошь во всём. Позолоченные светильники сочетались с резной мебелью из ценных пород, на этажах стояли скульптуры и многое другое, которое и не стоит перечислять. Однако, это великолепие не шло ни в какое сравнение с чудесным садом, разбитым позади дворца. Сразу при входе в сад начинались несколько рядов низкорослых деревьев. Через 20 шагов они разбивались на три части, образуя три аллеи. Вдоль средней аллеи вился благоухающий цветник. Он спускался почти к самому берегу маленького озера, созданного посередине сада. Вокруг озера росли деревья, ветви которых почти касались поверхности озера. В конце цветника, у кромки самого озера, была сооружена небольшая площадка, где стояла скамейка. Сев на неё, можно было опустить ноги в воду.

Именно этим и занималась юная дочь герцога Орлеанского – Генриетта. Подняв полы платья с весьма незатейливыми узорами, она болтала ногами в воде, разбрызгивая вокруг себя тысячи брызг. На какое-то время она остановилась, наблюдая за расходящимися кругами. Кроме неё самой, правом беспрепятственного входа в сад обладал лишь один человек – её садовник. Всем остальным обитателям дворца, включая её отца, запрещалось без её разрешения входить на территорию сада. Генриетта исполнилось девятнадцать лет. Она была единственной дочерью герцога Орлеанского. Несмотря на ангельскую красоту Генриетты, ни во дворце, ни в городе не нашлось бы человека, отзывавшегося о ней хорошо, ибо Генриетта обладала весьма скверным характером, о котором знали все, включая короля Франции. В последний год даже гости перестали приезжать во дворец, по причине нежелания общаться с Генриеттой.

Несмотря на прекрасное воспитание, выражения, которые использовала Генриетта, приводили окружающих в ужас. Бесцеремонность, своенравие и грубость являлись неотъемлемой

частью её характера. Герцог Орлеанский перепробовал все средства, чтобы изменить дурной нрав своей дочери, но все попытки заканчивались неудачами, ровно как и его настойчивое стремление выдать Генриетту замуж. К каким только ухищрениям ни прибегал герцог Орлеанский, пытаясь выдать замуж свою дочь, но все они разбивались об упрямство Генриетты. Она и слышать не желала о замужестве. И чем больше проходило времени, тем больше таяли надежды герцога выдать её замуж, но он не оставлял попыток.

Болтая ногами в воде, Генриетта не заметила своей кормилицы, которая незаметно подошла к ней и встала у неё за спиной.

– Генриетта, дитя моё, – позвала её кормилица, нарушая своим голосом окружающую тишину и одиночество Генриетты.

Генриетта, не вставая со скамейки, обернулась к пожилой женщине.

– Тётушка Жюли, – протянула Генриетта, – я не помню, чтобы звала тебя.

– Прости меня, – поспешно ответила кормилица, – твой отец послал за тобой, иначе я бы не посмела прийти сюда.

Генриетта подозрительно уставилась на кормилицу. Явно что-то происходило во дворце, иначе отец не послал бы за ней кормилицу, услугами которой пользовался в особых случаях.

– К чему такая спешка? – поинтересовалась Генриетта.

Кормилица замялась с ответом, прекрасно понимая, какую реакцию вызовут у Генриетты её слова, но деваться было некуда, и ей пришлось ответить.

– Приехал молодой человек!

– Очередной жених?! – Генриетта произнесла эти слова так, как будто в рот попало нечто неприятное и она спешит выплюнуть это, – когда же закончатся эти дурацкие попытки выдать меня замуж?

– Герцог желает тебе добра Генриетта.

– В таком случае пусть оставит меня в покое, – резко ответила Генриетта, – не желаю выходить замуж и точка. Моё решение твёрдо. Его никто не изменит.

– Мне ли этого не знать, – с лёгкой грустью произнесла кормилица.

– Вот и отлично, – подытожила Генриетта, – передай ему, пусть сам выходит замуж, если хочет, или пусть пошлёт жениха к чёрту, на его выбор.

– Брак священен для всех людей. И для мужчин, и для женщин. Попытайся понять это и смирится.

– Вот как? – насмехаясь спросила её Генриетта, – так по твоему я должна сидеть дома, пока этот мерзкий похотливый козёл будет развлекаться с другими и, вполне возможно, на мои же деньги?

– Брак выглядит совсем иначе, – попыталась возразить кормилица, но Генриетта её перебила.

– В моих глазах он выглядит именно так. И хватит нравоучений. Занимайся своим делом и не лезь, куда не следует.

– Хорошо, миледи, – упавшим голосом покорно произнесла Жюли.

– А теперь, оставь меня, – приказала ей Генриетта.

– А как быть с приказом вашего отца?

– Похоже, вы от меня не отстанете, – разозлившись, Генриетта вскочила со скамьи и быстро пошла по направлению к дворцу.

– Терпеть не могу этого непотребного оценивающего взгляда, которым меня встречают, – пробормотала Генриетта, открывая дверь в кабинет отца.

При её появлении, молодой человек, сидящий в кресле напротив герцога Орлеанского, поднялся и отвесил ей глубокий поклон. Приседая перед ним в реверансе, Генриетта заметила жадный взгляд, который прошёлся по ней с ног до головы.

Наверняка представляет, что под моей одеждой, мерзавец, – возмущённо подумала Генриетта, – ну почему все мужчины нороят в первую очередь заглянуть под одежду. Неужели эти самодовольные индюки считают, что только у них есть душа, а женщина обладает лишь телом, единственное предназначение которого – услаждать низменные похоти мужчин?! Ну, погоди у меня!»

– Слухи о красоте вашей дочери, монсеньор, и в малейшей степени не соответствуют истине. Какие дивные голубые глаза, какие прекрасные белокурые волосы. Она сложена как богиня. Я потрясён, я уничтожен и больше всего на свете мечтаю назвать вас своей супругой! – молодой человек говорил с таким же восторгом, как и смотрел на Генриетту.

Генриетта изобразила на губах подобие улыбки.

Этот к тому же льстец – подумала она.

– Дитя моё, – мягко заговорил герцог Орлеанский, – граф, третий сын герцога Саксонского. Он прибыл по весьма важному для всех нас делу. Я прошу выслушать его со всевозможным вниманием и уважением.

– Воля ваша, отец, – смиренно ответила Генриетта.

– Правда? – герцог Орлеанский не мог скрыть облегчения, – я оставлю вас наедине, чтобы вы могли поговорить без помех.

Радостный герцог Орлеанский вышел за дверь и осторожно закрыл её за собой. Снаружи его встретила кормилица.

– Всё идёт, как нельзя лучше, – шёпотом сообщил ей герцог.

В ответ Жюли лишь покачала головой.

– Как плохо же вы знаете вашу дочь.

Тем временем молодой граф опустил перед Генриеттой на колени и протянув руку, с пафосом воскликнул:

– Я безумно люблю вас, миледи. В ваших руках моё счастье, и надежда видеть вас в качестве моей супруги!

Быстро же он влюбился – подумала Генриетта, сверху вниз наблюдая за трогательной сценой.

– Садитесь, – пригласила Генриетта, когда граф поднялся с колен.

– Я стоя выслушаю свой приговор!

– Как желаете, – Генриетта уселась в кресло и продолжала, – я очень рада оказанной мне чести, вы храбрый и, безусловно, мужественный человек.

– Именно так! – гордо подтвердил граф, – я вижу, вы прекрасно осведомлены обо мне.

К тому же самодовольный дурак – сделала очередной вывод Генриетта, при этом она не преминула наградить графа обворожительной улыбкой. Она продолжала вкрадчивым голосом.

– Безусловно, граф, иначе, чем объяснить ваше сватовство? Лишь очень мужественный человек мог решиться жениться на мне после всего, что произошло.

Граф непонимающим взглядом уставился на Генриетту.

– С вашего позволения, миледи, я бы хотел узнать, о чём идёт речь?

– Мой бывший супруг, – с печальным видом сообщила Генриетта, – бедняга...

– Ваш бывший супруг?

– Я вдова! Разве отец не говорил вам?

– Вдова? Нет, не говорил, – граф неприлично открыл рот от удивления.

– Как это на него похоже, – грустно продолжала Генриетта, – отец всегда пытался защитить меня.

– Почему же миледи? Вашей вины нет в смерти мужа. Все мы смертны. Рано или поздно нам придётся предстать перед господом.

– Благодарю вас! У вас доброе сердце, но, видите ли, всё дело в том, что это я убила моего мужа.

– Вы? – граф в сильнейшем смятении опустился в кресло.

– Я! Это случилось в брачную ночь. Мне не понравилось, как он целуется. Я дождалась, пока он заснёт, а потом всадила нож в спину моего супруга.

Генриетта едва сдержала смех, когда увидела, с какой поспешностью граф покидал комнату. Но после его ухода она разразилась смехом, весьма довольная собой и своей выдумкой.

Веселье Генриетты было прервано появлением разъяренного герцога Орлеанского.

– Что ты ему сказала? Он уехал, даже не попрощавшись.

– Скатертью дорожка, – отозвалась Генриетта.

– Твоё поведение вынуждает меня применить наказание. Все твои сверстницы давно обзавелись детьми, а ты не только отказываешься выходить замуж, но и умудряешься выставить меня всеобщим посмешищем!

– Сами виноваты, – Генриетта пожала плечами, – не следовало присылать женихов. Я не меньше сотни раз твердила вам, что не собираюсь замуж, и меня никто не заставит.

– Твои желания меня не интересуют! – закричал герцог Орлеанский, – ты выйдешь замуж.

– Вам меня не заставить, – со спокойствием, выводящим из себя, ответила Генриетта, – следующего жениха, который появится во дворце – я убью.

– Это просто уму непостижимо!

В сильнейшем гневе герцог покинул комнату. Кормилица с одного взгляда поняла состояние герцога. Она мягко взяла его за руку.

– Генриетта никогда не изменится, монсьеор!

– Неужели мне суждено умереть, не повидав внуков? – прошептал в отчаянии герцог, – нет, нет, Жюли, я поеду к моему брату, поеду в Париж, я заставлю Генриетту выйти замуж... вели приготовить карету. Я еду в Париж.

Глава 6

На следующий день, ближе к вечеру, герцог Орлеанский, обуреваемый тяжёлыми мыслями, шёл по коридорам дворца Сен-Поль. У двери в зал аудиенций, герцог на мгновение остановился, дожидаясь, пока объявят его имя, а затем бодрым шагом вошёл в зал. Легко кивая придворным, которые отвешивали ему глубокие поклоны, герцог подошёл к восседавшему на троне королю Франции и низко поклонился.

Король Франции, мило беседующий с одной из придворных дам, благосклонно улыбнулся брату.

– Рад видеть вас в Париже, – мягко приветствовал брата король, – чему обязаны видеть вас, монсеньор?

– Я прибыл в Париж с нижайшей просьбой к вашему величеству, – герцог Орлеанский ещё раз поклонился.

– Всё что угодно, монсеньор, за исключением вмешательства в судьбу моей непослушной племянницы, – ответил под лёгкий смешок придворных король, – мне уже известно, как обращаются в Орлеане с моими гостями.

Король указал на молодого человека в зале, в котором герцог Орлеанский сразу же узнал сбежавшего жениха своей дочери.

– Сир, – ему не оставалось ничего больше, как откланяться, ибо на помощь короля он больше не надеялся. Откланявшись, герцог собрался было покинуть зал, когда дверь распахнулась, и внутрь буквально ворвался, сыпя проклятиями направо и налево, его преосвященство, епископ парижский дю Шателен.

– Исчадие ада! Богохульник! Порождение сатаны! Антихрист!

Король Франции с весьма удивлённым видом следил за приходом его преосвященства. Что же касается придворных, они буквально затаили дыхание в предчувствие громкого скандала, и они не ошиблись.

– Надеюсь, ваше преосвященство не меня имеет в виду? – с виду спокойно поинтересовался король.

Епископ осёкся, с изумлением глядя на короля, но через мгновение слова из него полились как из рога изобилия.

– Как ваше величество могло помыслить такое? Денно и ночью я возношу молитвы к господу о даровании моему королю здоровья и благополучия. Ваше величество является истинным сыном церкви и всем нам надлежит брать с вас пример, ибо благочестие и преданность святой церкви вашего величества известна всему христианскому миру. Папа не раз обращал наше внимание на ваши богоугодные поступки.

Король от лести епископа поморщился. Он прекрасно знал нрав его преосвященства, который мог его восхвалять его с утра до позднего вечера. Не дав королю заговорить, епископ продолжал гневным голосом.

– Я имел виду нечестивца, именуемого граф де Сансер, – едва епископ упомянул это имя, как среди придворных прокатилась волна вздохов, – этого богохульника, этого безбожника.

– Что он, на сей раз, натворил? – раздражённо спросил король, – и будьте кратки, ваше преосвященство. Время ужина. Сегодня, я ужинаю с королевой и не желал бы задерживаться.

– Ваше величество слышало о ссоре между этим нечестивцем и бароном дю Рено? – спросил епископ, приступая к изложению дела.

– Моё величество всё слышит! – ответил король.

– Следовательно, вашему величеству известно о непристойных словах графа, брошенных в лицо барону дю Рено, этому добропорядочному католику?

– При всём уважении к святой церкви, я не понимаю, каким образом слова графа задели её, – король не скрывал раздражения.

– Я прошу выслушать одного из наших братьев, ваше величество, – торжественно попросил епископ.

Король кивнул с явной неохотой. Через мгновение присутствующие увидели невысокого полного монаха, который, испуганно озираясь, входил в зал.

– Я понятия не имею, что у него спрашивать! – заявил король.

– Терпение, ваше величество, – епископ строго посмотрел на монаха. – Брат Бенедикт, расскажи его величеству всё, что рассказал мне!

– Слушаюсь, ваше преосвященство! – ответил монах и дрожащим голосом начал рассказывать, оглядываясь по сторонам. Видимо, он так и не разобрался, кто в зале является королём. – Несколько дней назад в церковь пришёл молодой человек.

– Это был граф Луи! – воскликнул епископ, – брат Бенедикт, рассказывайте дальше.

– Он попросил меня исповедовать его. Я...я...спешил. Барон призвал меня к баронессе, которая была больна.

– Я ничего не понимаю, – перебил священника король, – что за барон и о какой баронессе идёт речь?

– Дю Рено, ваше величество, – ответил за монаха епископ, – брат Бенедикт является исповедником баронессы.

– Вот как? – король явно заинтересовался, не говоря уже о придворных.

– Продолжайте, брат Бенедикт, – епископ ободрил оробевшего монаха взглядом.

– Я пытался отказаться, но молодой человек настаивал, говорил, что его гнетёт данная им клятва. Из сострадания я согласился исповедовать его.

– Тайна исповеди священна! – заявил король, – и не смотря на то, что всем нам чрезвычайно интересно, мы не можем требовать продолжения рассказа.

– Только эта никакая не тайна, – возразил королю епископ, – ибо налицо страшный обман.

– Вот как! – повторил король, – в таком случае, мы выслушаем брата Бенедикта.

– Он сказал, – запинаясь, продолжил брат Бенедикт, – что дал клятву распить две бутылки вина со служителем церкви.

– И вы отказались? – король в упор смотрел на священника.

– Конечно, отказался... но он так просил!

– Понятно, – король незаметно для окружающих улыбнулся, – а что же было дальше?

– Дальше? – с беспокойством переспросил брат Бенедикт.

– Дальше! – повторил король.

– Я не очень хорошо помню, – пробормотал брат Бенедикт, – помню, что проснулся на следующее утро, раздетым под распятием Христа.

– Я предполагал нечто подобное, – пробормотал его величество, и присутствующие заметили, что он едва сдерживается, чтобы не расхохотаться.

– Слышали? – закричал епископ, – этот нечестивец раздел его и положил под распятием, но даже этот грех несравним с тем, что он сделал после. Граф облачился в святую одежду и под видом исповедника проник в замок, где несчастный барон, ничего не подозревающий об обмане, собственноручно отвёл нечестивца в опочивальню к своей супруге. Этот нечестивец провёл более часа в опочивальне баронессе. Барон, как добрый хозяин, самолично проводил лже священника до ворот, где тот ему вручил некий предмет из одежды баронессы, не оставляющий сомнений в том, какого рода вещами занимался этот нечестивец с баронессой. Ваше величество я требую немедленного наказания графа! – восклицая, закончил свою речь епископ.

– Требуете?

– Прошу, ваше величество, – поправился епископ.

Король после короткого молчания ответил епископу непререкаемым тоном.

– Я рассмотрю все стороны этого случая и сообщу моё решение вашему преосвященству.

– Я уповаю на справедливость вашего величества, – епископ ушёл так же внезапно как и появился, прихватив с собой брата Бенедикта.

После ухода епископа, король откинулся на спинку трона и от души расхохотался. Словно ожидая этого, весь зал засмеялся вслед за королём. Смеялись все, за исключением герцога Орлеанского, который о чём-то напряжённо размышлял.

Его величеству понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя.

– Каков пройдоха, – не переставая смеяться заговорил король, – признаться честно, я ему немного завидую. Надеюсь, – король оглядел присутствующих, – никто из вас не станет передавать мои слова королеве.

– Герцог Бурбонский! – раздался возглас дворецкого.

– А! – воскликнул король, – весьма кстати.

Герцог Бурбонский с поникшей головой предстал перед королём.

– Так значит, монсеньор, вам всё известно?

– К сожалению, сир, – сокрушённо ответил герцог Бурбонский, – мне стыдно за моего племянника.

– В прошлый раз, – негромко заговорил король, – я удовлетворил вашу просьбу, но с одним неизменным условием, как вы помните. Графу надлежало избавиться от дурных наклонностей.

Король встал со своего места и начал медленно прохаживаться перед герцогом Бурбонским заложив руки за спину.

– Однако, все наши попытки образумить графа не увенчались успехом, к сожалению. В данной ситуации я вижу единственный выход, – король остановился перед герцогом Бурбонским, – мы отправим графа в изгнание, ибо не можем в дальнейшем позволить ему оскорблять наш слух недостойным поведением.

– Не могу не признать справедливости решения вашего величества, – покорно согласился герцог Бурбонский.

– Вот и хорошо, – одобрительно произнёс король, – надеюсь, пятилетний срок изгнания окажет благотворное действие на графа Луиа и он сможет избавиться от своих пагубных наклонностей. Вы не возражаете монсеньор?

– Нет, сир, мой племянник полностью заслужил это наказание.

– С вашего позволения, сир, я возражаю, – раздался отчётливый голос.

Король обернулся словно ужаленный, желая знать, кто посмел ему возразить. Прямо в него упирался взгляд герцога Орлеанского.

– Вы? – поразился король, – вы заступаетесь за графа Луиа? Но почему?

– Несколько слов, сир!

Герцог Орлеанский подошёл к королю, и что-то быстро зашептал на ухо. Вначале лицо короля выражало непонимание, затем удивление, которое перешло в крайнее изумление. Как ни старался герцог Бурбонский вместе с остальными придворными подслушать разговор, у него ничего не получалось. Когда герцог Орлеанский отошёл от его величества, тот с мгновение стоял с крайне изумлённым видом, а затем разразился таким хохотом, что издававшие виды придворные невольно испугались за короля. Король, хохоча, едва дошёл до трона и буквально упал в него. Все вокруг переводили взгляд с хохочущего короля на серьёзное лицо герцога Орлеанского и терялись в догадках. Что же такого мог сказать герцог королю?

От смеха у короля выступили слёзы.

– Давно я не смеялся так весело, – король утёр платком выступившие слёзы, – я весьма обязан вам, монсеньор, ибо вы дали мне возможность сыграть знатную шутку.

– Для меня это вовсе не шутка, сир, – подал голос герцог Орлеанский.

– Знаю, знаю, – ответил король и продолжал, обращаясь к придворным. – Вам всем вероятно очень интересно, что же сказал его высочество?

– Мне очень! – не выдержал герцог Бурбонский, – ведь вопрос касается моего племянника, сир?

Король кивнул.

– Вы угадали монсеньор! Его сиятельство предложил в качестве наказания женить его на моей строптивой племяннице. В последнее время я только и слышу о графе и о моей племяннице. Сведём их друг с другом, пусть повоюют между собой, а мы какое-то время проведём в относительном спокойствии.

– Он не женится, сир, – уверенно предположил герцог Бурбонский.

Король хитро улыбнулся.

– Уж не думаете ли вы, монсеньор, что ваш племянник откажется выполнить приказ короля?

Глава 7

После знаменательных событий, произошедших в замке дю Рено, Луи приехал в свой замок, предоставив управляющему вести дела, как он и делал во время своего отсутствия, Луи предался прелестям деревенской жизни, справедливо предполагая, что за его поступок он понесёт наказание. Он не сожалел о сделанном, потому что считал барона негодяем. Попытка превращения в деревенского жителя прошла для него вполне удачно, и очень скоро он привык к этой жизни. С самого первого дня своего приезда он завёл привычку по утрам отправляться верхом к речке, протекавшей невдалеке от замка. Луи присмотрел удобное место. Берег там был каменистый. Женщины из окрестных деревень использовали это место для стирки, появляясь на берегу около двух раз в неделю в силу необходимости. Первое появление незнакомого молодого человека они приняли с недоумением. Но что с ними стало когда он, ничуть не стесняясь, под взорами десятка женщин разделся донага и полез в воду купаться! Женщины бросились с криками бежать прочь от этого места, словно увидели привидение. Граф с весёлым хохотом провожал это бегство. Уже к вечеру все вокруг знали о прибытии графа и о его необычных манерах. Первоначально его поведение вызывало у женщин замешательство, но постепенно они привыкали к появлениям у реки красавца графа, и больше не убегали, когда он раздевался, скорее наоборот. Они смотрели, как струйки воды медленно стекают по обнажённому телу графа. Зрелище поистине достойное для деревенских женщин. Вскоре стирки участились, превращаясь в повседневное занятие. Женщины хорошо изучили время появления графа и с нетерпением ждали его. Итогом всего этого стало безукоризненно чистая одежда, в которой ходили абсолютно все жители из окрестных деревень. По обыкновению, граф сперва купался сам, а затем купал своего коня, который настолько пристрастился к купанию, что входил в воду раньше своего хозяина. Конь тряс шей и фыркал в ожидании момента, когда им займутся. После купания Луи возвращался в замок, ставил коня в стойло, следил за тем, чтобы он был хорошо накормлен, а затем шёл завтракать сам. За столом компанию ему составлял виконт де Валиньи, приехавший из Парижа вместе с Диманшем. Старый слуга по-прежнему не переставая ворчал, но дело своё знал. Одежда и оружие Луи всегда находились в безукоризненном порядке. Он же следил за приготовлением пищи, всё время надоедая поварам своими советами. Кроме него в замке находились около 15 слуг, из них три молодые женщины. Глядя на них, де Валиньи всё время многозначительно покашливал. Зная характер своего друга, он не сомневался, что вскоре все трое окажутся в его постели. Луи делал вид, что не замечает многозначительных намёков друга. После завтрака и до самого обеда граф упражнялся в поединках на шпагах, в чём неизменно одерживал верх, и стрельбе из лука, упражняясь в меткости и сноровке. После обеда сон или небольшая прогулка пешком. Более всего Луи угнетали вечера. Привычный ритм Парижской жизни выработал у него привычку постоянных действий в ночное время, опасности, приключений, любовных походов: всё то, без чего он не мог существовать. В деревне, вдалеке от Парижа, он был лишён всего этого и принуждён был мириться с подобным положением дел.

Очередной день в замке начался для Луи не совсем приятно. Прибыв к реке, он обнаружил, что там никого нет. Купание стало для него единственным развлечением. Ему нравилось, как смотрят на него женщины. Ему доставляло удовольствие следить за красными от смущения деревенскими лицами. Вздохнув, Луи разделся и полез в воду. Конь по обыкновению пошёл вслед за ним и ткнул его мордой в спину.

– Дождись своей очереди, – назидательно обратился к коню Луи.

Оставив коня, он широкими гребками поплыл, рассекая воду. До противоположного берега было совсем недалеко. Луи добрался до него и сразу же пустился в обратный путь. Не доплыв до места, где стоял конь, он перевернулся на спину и позволил течению нести своё

тело. Ничего не действовало на него так благотворно, как утреннее купание. Почувствовав, что тело совершенно расслабилось, Луи поплыл к берегу. Он подплыл к коню. Нашупав ногами землю, Луи поднялся и занялся конём. Пока Луи купал коня, тот всё время ржал.

– Помолчи, – прикрикнул на него граф. Но конь и не собирался его слушать.

– Ах так, – Луи окунул морду коня в воду. Конь начал громко фыркать, крутя головой во все стороны. По-видимому, в ноздри попала вода, и он никак не мог от неё освободиться.

– Так тебе и надо, – засмеялся Луи и тут же получил толчок в грудь.

Не удержав равновесия, он свалился в воду. Вынырнув, Луи легонько стукнул своего коня, но тут его внимание привлекло мелькнувшее невдалеке пёстрое платье. Присмотревшись, Луи заметил девушку, которая, спрятавшись за валуном, следила за его движениями. Оставаясь в воде, граф поманил девушку пальцем. Понимая, что её застали на месте преступления, девушка вышла из-за валуна и с виноватым видом подошла к кромке воды, напротив того места, где стоял Луи.

Луи опытным взглядом определил стройные очертания её тела. Да и лицо было миловидным. Луи не сомневался, что по одному его слову девушка сделает всё что угодно. Он почувствовал прилив желания.

– Хочешь искупаться?

От его слов щёки девушки вспыхнули огнём. Сбросив обувь, она медленно вошла в воду, при этом она не сводила заворожённого взгляда с Луи. Луи легко засмеялся.

– Может лучше оставить одежду на берегу?

Девушка послушно выбралась из воды, сбросила одежду и, обнажённая, вошла снова в воду. Луи не сводил взгляда с набухающих сосков, которые покрылись гусиной кожей. Луи протянул руки навстречу девушке. Она вложила свои руки в его руки, и вслед за этим, Луи притянул её к себе.

– Я нравлюсь тебе? – негромко спросил у неё Луи.

– Очень, – призналась она.

– Обними меня!

Девушка с лёгким вздохом обвила руками шею Луи, прижимая набухшие соски к его груди.

– А теперь следует попробовать вкус твоих губ, – Луи мягко прижался к её губам. Его рука опустилась на бедро девушки.

– Ах! – вырвалось у девушки.

Это восклицание подстегнуло желание Луи. Он подхватил девушку за ноги и одним движением вошёл в неё. Глядя в её затуманенные страстью глаза, Луи начал двигаться, время от времени ускоряя свои движения.

Он снова прижался к её губам и, оторвавшись, прохрипел:

– У тебя губы сладки, словно мёд!

Девушка изо всех сил обнимала Луи.

– Луи! – раздался невдалеке голос виконта де Валиньи.

– Чтоб тебе провалится в преисподнюю, Антуан, – вырвалось у Луи, он ускорил движения. Долгожданное освобождение наступило, как только на берегу показалась фигура де Валиньи.

– Так я и думал! – раздался вновь его голос.

Луи нежно поцеловал девушку в губы.

– Мне с тобой было очень хорошо!

– Вы говорите правду, монсеньор? – девушка и не пыталась скрыть свою наготу от виконта де Валиньи. Её полный надежды взгляд был устремлён на Луи.

– Называй меня просто Луи! Кстати, я даже не спросил твоего имени.

– Катерина, господин!

– Луи!

– Я уверен, мы обязательно встретимся ещё раз, – пообещал Луи, – и тогда мы с тобой в полной мере насладимся любовью.

– Я буду ждать моего господина!

Оставив Катерину в воде, Луи вышел, торопливо оделся и уже усаживаясь в седло, спросил у де Валиньи.

– Что случилось?

– Гонец из Парижа! – коротко сообщил де Валиньи.

– Гони его в шею!

– Он не один! С ним стража, – де Валиньи с глубоким сочувствием посмотрел на друга и закончил, – тебя хочет видеть король!

– Я ждал этого, – спокойно произнёс Луи, – ну что ж, Париж, так Париж, – он пришпорил коня.

Глава 8

В сопровождении королевской стражи, Луи вели по коридору королевского дворца. Чего он не понимал, так это странных взглядов и хихиканья придворных, попадавших по пути следования маленького кортежа. Он не сомневался, что его ждёт наказание. Скорее всего, изгнание, потому что оно являлось излюбленным методом наказания короля. Хотя могло быть намного хуже. Луи чувствовал полное безразличие к предстоящему наказанию. Он не жалел о содеянном, и уж точно не собирался обращаться за помощью к своему дядюшке. Больше того, он решил, что в случае, если дядюшка заступится за него, он откажется от помощи. Таким образом, размышляя, он очутился у дверей личного кабинета короля. Один из личной охраны короля провёл его через приёмную, открыл дверь, ведущую в кабинет короля и пропустив Луи, затворил её за ним. Первое, что обнаружил с удивлением Луи, были герцог Бурбонский и герцог Орлеанский, стоявшие рядом с королём Франции, который сидел за столом и что-то писал.

При виде вошедшего Луи, король оторвался от своего занятия и устремил на Луи нахмуренный взгляд.

– Ваше величество! – Луи поклонился королю, – монсеньоры! – он по очереди отвесил поклоны двум герцогам и, выпрямившись, стал ожидать, когда заговорит король.

– По вашему виду не скажешь, что вы раскаиваетесь в содеянном!

– Мне не в чем раскаиваться, сир! – спокойно ответил Луи.

Король недоумённо приподнял брови.

– Вот как? Может, вас оклеветали, граф? Может вы не переодевались в рясу священника и не пробирались в покои баронессы дю Рено? Вы обесчестили баронессу, сделали посмешищем барона. Неужели всё это ложь?

– Правда, сир!

– Правда? – переспросил король, – и тем не менее, вы имеете наглость заявлять, что не раскаиваетесь в содеянном?

– Именно так, сир, – не теряя хладнокровия, подтвердил Луи.

– Возможно, у вас были причины ненавидеть барона? Если так – я выслушаю их!

– Я считаю, что дю Рено получил по заслугам, но оправдываться за свой поступок не собираюсь. Я приму любое наказание, которое сочтёт назначить ваше величество.

Спокойствие графа поражало короля.

– Да он ничего не боится, – внезапно понял король.

– За свой поступок вы, граф, заслуживаете самого строго наказания и осуждения, однако, – король сделал паузу, а затем продолжал, – принимая во внимание просьбу герцога Орлеанского, мы решили заменить изгнание более мягким наказанием.

С чего это он вздумал защищать меня? – с недоумением думал Луи. Почему-то его покинуло привычное спокойствие и охватило волнение.

– Прежде чем я оглашу ваше наказание, вы не хотите высказать какую-либо просьбу? – спросил у Луи король.

– Нет, сир, – твёрдо повторил Луи, – я приму любое наказание.

– Так тому и быть, – король встал со своего места, – повелеваю вам, граф Луи, взять в жёны мою возлюбленную племянницу – Генриетту!

В яблочко! – подумал с некоторым злорадством король, увидев как бледнеет граф Луи.

Он обменялся взглядами с герцогом Бурбонским и Орлеанским.

Луи перехватил эти взгляды и хотя и не понял их значения, осознал, что против него затеяна какая-то игра, в которой замешаны все трое находящиеся в кабинете. Его мозг лихорадочно рассуждал, ища выход из создавшейся ситуации. А глаза следили за противниками.

Они знают, что мне ненавистен брак и ждут от меня возражений, – понял Луи. – Ну что же, я не знаю, какую игру вы затеяли, однако...

– Благодарю от души, ваше величество!

Никто не ожидал от него слов, подобных тем, что он произнёс, и меньше всего герцог Бурбонский, у которого буквально отвисла челюсть.

– Так вы согласны жениться? – уточнил король.

– Если вы спрашиваете моего мнения, то – нет, – ответил Луи, – если вы приказываете – у меня не остаётся выбора, сир!

– Я приказываю, – довольный собой ответил король. – И искренне сочувствую вам, но вы должны будете жениться, – в голосе короля не было и намёка на сочувствие.

Неожиданно для всех Луи улыбнулся. В голову пришла спасительная мысль.

– Сир, а как быть в случае, если ваша племянница не захочет выходить за меня замуж?

Теперь побледнел герцог Орлеанский. Он с мольбой посмотрел на короля, тот ответил успокаивающим взглядом.

– С вашими несомненными талантами это вряд ли случится.

Уловив неуверенные нотки в голосе короля, Луи сразу же понял, что избрал правильный путь. Чтобы закрепить маленькую победу, он бросился в атаку.

– И всё же сир? Как мне быть в случае, если мне откажут?

– Гм...гм, в вашем вопросе, граф, кроется подвох!

– Отнюдь, сир, – возразил Луи, – я лишь хочу знать, как мне поступить в случае отказа.

– Полагаю, – после некоторого молчания ответил король, – что в случае отказа моей племянницы, мы освободим вас от наказания.

– Благодарю вас, сир! – Луи не мог скрыть своей радости.

– Однако, – король поднял кверху палец, – с одним непременно условием. Вы в течении одного месяца будете находиться рядом с Генриеттой, вы, граф, приложите все усилия для того, чтобы Генриетта согласилась стать вашей супругой. Наказание будет отменено только в том случае, если по истечению срока вы предъявите неопровержимые доказательства своей настойчивости. Я лично приеду в Орлеан, убедится в тщетности ваших усилий. Поэтому, не советую предпринимать какие-либо действия против вашего предстоящего брака.

– Сир! – Луи поклонился.

– И помните граф, я буду постоянно следить за вами! Можете идти. Вам надлежит в течение недели прибыть в Орлеан.

– Слушаюсь, сир! – откланявшись, Луи покинул кабинет.

Выйдя в коридор, он сразу же столкнулся с виконтом де Валиньи, весь вид которого изображал вопрос.

– Плохо, – коротко бросил мрачно Луи.

– Изгнание?

Не отвечая, Луи зашагал прочь от де Валиньи. Над ухом Валиньи прозвучал женский голос:

– Ваш друг женится, виконт!

Тем временем, довольный прошедшим разговором, король вёл оживлённую беседу с двумя герцогами, бурно обсуждая возможные последствия предстоящего союза.

– Я pošлю своего человека в Орлеан, – говорил король, – он будет сообщать мне даже самые незначительные детали происходящего.

– Она откажет ему! – вздыхал герцог Орлеанский.

– Он не женится! – вторил ему герцог Бурбонский.

Подвёл итог король.

– Сражение началось, монсеньоры, и нам остаётся лишь следить за тем, кто выиграет первую битву.

- Генриетта!
 - Луи!
 - Пари? – предложил герцог Орлеанский.
- В ответ герцог Бурбонский насмешливо улыбнулся.
- Любое! И примите совет друга – отдайте деньги сразу!

Глава 9

Ровно через неделю после описанных событий, Генриетта, пребывавшая в прекрасном расположении духа, облачилась в охотничий костюм и, взяв стрелы и арбалет, спустилась во двор. Там её уже ожидали двое слуг с корзинами, полными яблок. Генриетта отмерила десять шагов от места, где стояли слуги и, натянув тетиву, подала знак. Слуга по её знаку подбросил яблоко в воздух, Генриетта метнула в неё стрелу. Стрела пролетела слишком далеко от цели.

– Олух! – вне себя закричала Генриетта, – подбрасывай выше.

Следующее яблоко взмыло высоко вверх, но Генриетта опять не попала.

– Неужели вокруг меня одни болваны? – в сердцах высказалась Генриетта.

Две горничные протирали окна второго этажа и внимательно сверху следили за действиями своей хозяйки.

– Олух? – повторили одна из них, – да откуда бедняга может знать, где пролетит стрела?

– Ей ничем не угодишь, – вздохнула вторая. – Настоящая ведьма, прости меня, господи, за грешные слова.

Генриетта продолжала кричать на слуг, так как ей ни разу не удалось поразить цель, причем, как и за все последние месяцы.

– Ровнее бросайте, идиоты! – кричала она, вновь натягивая тетиву.

Возле неё раздалось деликатное покашливание.

Опустив арбалет, Генриетта с неудовольствием посмотрела на управляющего – Журдена. Журден, седовласый мужчина преклонного возраста с едва заметным брюшком, был опрятно одет в скромную одежду. Его морщинистое лицо, выражало глубокое почтение. Журден встал, в нескольких шагах от герцогини и согнувшись в поклоне, ожидал, когда она заговорит с ним.

– Чего тебе?

– Прошу прощения, миледи, я не осмелился бы вас беспокоить, но пришло письмо от герцога Орлеанского. В нём он просит известить вас о приезде графа Луи.

– Какого чёрта ему надо? – Генриетта метнула очередную стрелу.

– То же, что и всем остальным, – вырвалось у управляющего.

– Жених?! – догадалась Генриетта, – пусть приезжает. Я ему окажу такой приём, что его не забудет ни он, ни мой отец. Шевелитесь, лентяи! – прикрикнула Генриетта застывшим слугам.

Спохватившись, они снова начали подбрасывать в воздух яблоки. Метнув безрезультатно ещё две стрелы, Генриетта отшвырнула от себя арбалет и вошла во дворец. Поднимаясь на второй этаж, Генриетта услышала залиvistый смех и уловила имя Луи. Притаившись на лестнице, она прислушалась. До неё донеслись женские голоса. Один из них говорил:

– Этот тот самый граф Луи, который переоделся священником и под самым носом барона дю Рено переспал с его женой, говорят, он писанный красавец. Все женщины в Париже мечтают заполучить его к себе в постель.

В голове Генриетты замелькали обрывки ранее услышанных разговоров.

Луи! – только сейчас она вспомнила истории про всеми известного во Франции распутника, который не гнушался ни чем, лишь бы затащить в постель очередную любовницу. Генриетта не могла поверить, что отец выбрал для неё такого жениха.

– А я слышала, что все мужья в Париже держат своих жён под замком, но граф всё равно пробирается к ним, – говорил второй голос.

– Я и сама не прочь попробовать графа, – захихикал первый голос, – говорят, перед ним ни одна женщина не может устоять!

– Эта ведьма устоит!

– А я слышала, что граф приручал и не таких злючек!

– Вот было бы интересно посмотреть, как наша миледи встанет перед ним на четвереньки и будет ластится, словно собачонка.

Не в силах более сдерживаться, Генриетта бросилась наверх.

– Прочь, мерзкие склочницы, – Генриетта схватила обоих горничных за волосы и, потянув к лестнице, столкнула их вниз. Горничные едва удержались на ногах и сразу же испуганно бросились прочь от разъяренной Генриетты.

– Мерзавец, – в ярости бормотала Генриетта, подразумевая графа Луиа, – даже духа твоего мерзкого не будет в моём доме.

Генриетта стремительно выбежала во двор и громко позвала Журдена. Когда тот появился, Генриетта непререкаемым тоном приказала:

– Запереть ворота! Ни в коем случае ни впускать графа во дворец!

Журден растерянно заморгал.

– Но миледи, монсеньор приказал встретить графа со всеми почестями!

– Мне глубоко наплевать на его приказы! – закричала вне себя Генриетта, она стояла спиной к воротам и не замечала, как во двор медленно въехали два всадника, – вы не выпустите его во дворец, я так желаю. И ещё, Журден, как только граф Луи подъедет к воротам, вы спустите на него псов, чтобы он побежал, как побитая собака, поджав хвост. Не выполните мой приказ – я сама их спущу, но только на вас! – пригрозила Генриетта.

– Полагаю, вы меня имеете в виду? – раздался за спиной Генриетты спокойный голос.

Она обернулась как ужаленная и с ненавистью устремила взгляд на всадника, которой взирал на неё с откровенным неудовольствием.

– Если вы и есть граф Луи, то именно вас!

На лице Луи отразилось недоумение. Он не понимал, кто эта девица, встретившая его с таким отчуждением, как и не понимал того, почему она смотрит на него с такой ненавистью. Он проделал длинный путь и хотел больше всего отдохнуть, однако пришлось ответить этой дерзкой девчонке, не мог же он оставить её слова без внимания.

– Сударыня, вы отдаёте себе отчёт, что оскорбили меня?

– Если вы немедленно не уберётесь отсюда, я не ограничусь одними оскорблениями, – пригрозила ему Генриетта.

Луи неторопливо спешился и подошёл вплотную к Генриетте.

– Клянусь честью, сударыня, подобного приёма... – начал было Луи, но Генриетта резко его перебила.

– Не клянитесь тем, что у вас нет. Для вас же будет лучше, если уберётесь.

– Вот наглая девица, – Луи охватывало давно забытое раздражение, – будь вы мужчина давно бы лежали мёртвым, а поскольку вы женщина...

– Я сумею должным образом проучить вас, жалкий хвостун!

– Перестанете вы, наконец, оскорблять меня? – разозлился Луи, – поверьте, сударыня, моё терпение не безгранично.

– Моё тоже! – резко ответила Генриетта, – последний раз говорю тебе, мерзкий граф. Вон отсюда! Пошёл прочь!

Не меньше полусотни глаз следили за этой ссорой. Слуги, забросив все дела, притаились в укромных уголках и следили за развитием событий.

Де Валиньи с открытым ртом наблюдал за разъяренной красавицей. Впервые он видел, что женщина разговаривает с его другом подобным образом.

Огромным усилием воли Луи подавил вырывающую злость. Он осознал, что силы неравны, поэтому выбрал единственное правильное решение. Он отвернулся от Генриетты и пошёл в сторону Журдена, не забыв бросить презрительный взгляд на Генриетту.

– Убирайся отсюда, я тебе говорю, мерзкий похотливый козёл! – закричала в бешенстве Генриетта.

Луи подошёл к Журдену и обратился таким спокойным голосом, словно оскорбляли в эту минуту не его, а совершенно другого человека.

– Герцог Орлеанский должен был известить о моём приезде, я хотел бы увидеть свои покои...

– Твои покои в свинарнике, – раздался голос Генриетты, – там тебе отвели отдельное стойло.

Луи снова повернулся лицом к Генриетте.

– Сударыня, вы играете с огнём! – предупредил он с весьма мрачным видом.

– Не пытайся меня запугать, ничтожество, – презрительно бросила ему в лицо Генриетта.

– Сколько можно терпеть эти оскорбления? – Луи обращался с этим вопросом к самому себе.

– Уберешься ты наконец отсюда? – в бешенстве закричала Генриетта, или мне спустить на тебя псов? Прочь из моего дома мерзкий блудливый козёл, мерзавец, подлый развратник, ничтожный себялюбивый козёл. Грязная, вонючая свинья.

После последних слов Генриетты наступила на мгновение тишина. Луи стал чернее тучи. Медленными шагами он приблизился к Генриетте. Генриетта встретила его приход презрительным взглядом.

Не раздумывая, Луи хлестнул рукой по щеке Генриетте. Все вокруг ахнули. Генриетта не могла поверить, что её ударили.

– Ты ничтожный...

Последовала вторая пощёчина.

– Я тебя убью...

Генриетта получила третью пощёчину и попятилась назад от Луи.

– Пощёчина за каждое сказанное тобой слово! – мрачно предупредил Луи.

Генриетта закусив губу от боли и отчаяния, с полыхающей ненавистью в глазах смотрела на своего обидчика. В груди всё клокотало. Она хотела унизить его, уничтожить, растоптать, но решимость Генриетты куда-то подевалась, ибо она ясно осознавала, стоявший перед ней человек, несомненно, выполнит свою угрозу. Генриетта отступила. Впервые в своей жизни.

– Надеюсь, урок усвоен, иначе мне придётся повторить его, – грозно предупредил её Луи. – А теперь, пошла прочь с моих глаз.

Кинув на него испепеляющий взгляд, Генриетта бросилась во дворец. Едва она скрылась за дверью, как за спиной Луи раздался хохот. Он угрюмо посмотрел на развеселившегося Де Валиньи.

– Право, незабываемое зрелище, граф Луи избивает беззащитную женщину. До сих пор все женщины таяли от одного твоего взгляда!

– Да её убить мало, – с нескрываемым гневом в голосе ответил Луи, – настоящая фурия. Я за всю свою жизнь не слышал и половины оскорблений, которыми она меня наградила. Узнать бы кто эта девица...

Если бы Луи осмотрелся вокруг себя, он без сомнения бы увидел десятки восторженных взглядов направленных в его сторону. Даже конюхи, перестали мыть лошадей и с открытыми ртами смотрели на него. Что касается Журдена, в непосредственной близости от которого произошли все эти события, он буквально сиял от счастья. Его взгляд и весь облик, был полон неподдельного восхищения. Выждав слегка, чтобы мешать разговору графа с виконтом де Валиньи, Журден обратился к столь желанному гостю.

– Прошу прощения, монсеньор, – в голосе Журдена слышалось безграничное уважение, – я покажу ваши покои.

– Отлично, мой друг, – отозвался Луи, – ведите, мы следуем за вами. Да, и будьте любезны, пошлите кого-нибудь к миледи, чтоб сообщили о моём приезде.

Журден всего-то и смог, что издать булькающий звук.

Глава 10

Ты заметил? – де Валиньи толкнул Луи в плечо.

Луи кивнул. Это место не внушало ему доверие. Вначале, эта девица, а теперь слуги, которые останавливались и как-то странно поглядывали на него.

Сплошная загадка, – подумал Луи, – куда же меня отправил его величество? Вместо того чтобы напропалую гулять последнюю неделю, ему, наверное, стоило побольше разузнать об обитателях этого дворца и его хозяйке. Сделай он это...

– Монсеньор. Мы прибыли!

Луи с де Валиньи разместились в двух соседних комнатах на третьем этаже. Комнаты хотя и были небольшие, но сияли чистотой и убранством. В середине стоял круглый стол с двумя креслами. На столе подсвечник с резной ножкой. Слева кровать и подобие маленькой тумбы. Бегло осмотрев всё, Луи отворил единственное окно в комнате. Ему на глаза попался роскошный сад, который находился слева от его окна. Ему даже показалось, что он почувствовал благоухание цветов в саду. Луи невольно задержал взгляд, рассматривая сад.

– Миледи никому не позволяет бывать в саду!

Луи обернулся к Журдену и спросил:

– Надеюсь, для меня она сделает исключение?

– Раньше, монсеньор, на такой вопрос я бы с уверенностью ответил, что миледи ни для кого не делает исключений, но сейчас, я почти не сомневаюсь в том, что вы будете пользоваться особыми правами.

Слова Журдена неприятно подействовали на Луи.

Он не сомневается, что миледи выйдет за меня замуж, – сделал для себя не очень утешительный вывод Луи. – Однако рано сдаваться, битва ещё впереди.

– Кстати о миледи. Вы не сочтёте за труд передать ей мою просьбу?

– Всё, что угодно, монсеньор!

– Я хочу поговорить с моей будущей невестой и, если возможно, сегодня!

Журден поклонился Луи.

– Я немедленно передам миледи вашу просьбу. В два часа у нас обед, но если вас не устраивает время...

– Вполне устраивает, – отозвался Луи.

– Хорошо, – Журден взялся за ручку двери, – монсеньор, вы не представляете, как все мы рады вашему приезду.

Луи подозрительно прищурился, провожая взглядом Журдена. С чего бы это, – беспокойно подумал Луи, – возможно, им жаль её. А если я прав, следовательно, у неё есть недостатки. Возможно, физические недостатки? Нет, нет, не может быть – Луи погнался эту мысль от себя, но она почему-то отложились в его голове.

Оставшись один, Луи радостно потер руки. У него появлялись друзья, а значит, дело, которое он задумал, становилось гораздо проще воплотить в жизнь. Сбросив сапоги, Луи с наслаждением растянулся на кровати. Он стал размышлять о предстоящей встрече со своей будущей невестой. Самое важное, – думал Луи, – произвести плохое впечатление на нее. Понять, что ей не нравится и делать именно это. Возможно, ему удастся сделать так, что она отвергнет его. Во всяком случае, он на это надеялся.

– О чем думаешь? – спросил вошедший де Валиньи. Он бесцеремонно уселся в кресло и закинув ногу на ногу устремил вопросительный взгляд на друга.

– Размышляю над тем, как с первой встречи создать дурное впечатление о себе.

– Бедняга! – рассмеялся де Валиньи.

– Перестань смеяться! – раздраженно бросил Луи, – ты здесь затем, чтобы помочь. Распускай обо мне гнусные слухи по мере своих возможностей.

– Боюсь, они и без моей помощи все знают. Вряд ли я смогу добавить что-то новое!

Возникло молчание, которое нарушил Луи.

– Думаешь, я смогу отвертеться от брака?

– Возможно! Если твоя невеста хоть немного похожа на ту девицу, которую ты повстречал.

– Не напоминай о ней! – Луи поморщился.

– А мне она понравилась, – заявил де Валиньи, – она необыкновенно хороша, даже в Париже я не встречал таких красоток.

– Я тоже, – не скрывая иронии, вставил Луи, – воистину редкое создание. Один язычок чего стоит.

Они продолжили разговаривать, время от времени возникала легкая перепалка.

Ровно через час после своего ухода, Журден вновь появился в комнате.

Журден пригласил их на обед, а заодно сообщил, что миледи также будет присутствовать на обеде. Наступил решительный момент. Луи и де Валиньи последовали за Журденом в столовую. По пути Валиньи передумал обедать и вернулся обратно в комнату. Он решил, что будет благоразумно не мешать первой встречи Луи с невестой.

На длинном столе лежало три прибора. Один Журден просил убрать. Миледи отсутствовала. Луи уселся на стул и попросил подавать обед. Через минуту перед ним стояла благоухающая тарелка с супом. Луи почувствовал, что сильно проголодался. Он без промедления принялся за пищу. Он провёл в столовой около четверти часа. Произошла смена блюда.

В столовую вошла женщина в черном платье. Лицо было закрыто вуалью. Луи мгновенно оценил взглядом знатока стройные контуры женского тела.

А неплохо бы с ней размяться в постели, – подумал было Луи, но тут же одёрнул себя, – ты что не в своём уме? Тогда уж точно придётся на ней жениться. Ну нет, с кем угодно... только не с этой девицей. Хотя надо признаться, что опасение по поводу её физических недостатков... были совсем напрасными. Король не так плохо ко мне относится, как я полагал.

Последняя мысль принесла некоторое успокоение в душу Луи. Однако, время идёт, а он всё ещё не заговорил со своей будущей невестой. Тьфу... слово то какое отвратительное.

Луи толкнул стоявшего рядом Журдена.

– Это она?

Журден кивнул головой.

– Миледи, – изобразив радостный вид, но не вставая со своего места, приветствовал Луи будущую невесту, – счастлив познакомиться с вами. Прошу вас, садитесь, – он указал на стул рядом с собой.

Генриетта встала напротив него, возле стола. Из под вуали она внимательно следила за бесцеремонным поведением графа. Наглость графа, ровно как и явное неуважение, бесило Генриетту едва ли не больше полученных пощёчин.

– Благодарю за приглашение, – не скрывая сарказма ответила Генриетта, – но я привыкла есть стоя.

Казалось, этого мерзавца ничто не могло смутить.

Луи пожал плечами.

– Вы уж простите миледи, я привык обедать сидя! – Луи с видимым удовольствием переключил внимание с Генриетты на лежавшую перед ним пищу. Не оставалось и малейшего сомнения в том, что для него предпочтительней в данную минуту. Однако, чуть позже, он вновь устремил на неё притворно радостный взгляд и обратился с вопросом к Генриетте.

– Позвольте спросить, миледи, у вас траур?

– Нет, граф, причины совсем иные!

Граф Луи отодвинул тарелку с остатками пищи от себя...

– С вашего позволения, миледи, я бы хотел приступить к официальным ухаживаниям. Для вас не секрет, что герцог Орлеанский, ваш батюшка, одобрил мое стремление стать вашим супругом. Надеюсь вы будете столь благосклонны ко мне, сколь был ваш отец, – Луи лгал свободно, не чувствуя угрызений совести.

– Любезный граф, – послышался печальный голос из под вуали, – с вашей стороны так благородно жениться на мне, зная о страшной трагедии которая меня постигла.

– Трагедии? – переспросил Луи, чувствуя смутное беспокойство. – Что вы подразумеваете под этим словом миледи?

– Оспу, граф! Надеюсь, отец сообщил вам, что я переболела этой страшной болезнью? Он не скрыл от вас, что после болезни у меня на лице и на всем теле остались глубокие следы?

Я пропал! – с отчаянием подумал Луи, – вот какую подлость задумал король?! Какой бы она не была дурой, от брака ни за что не откажется. Врят ли ей выпадет еще один шанс. Я знал, знал, я чувствовал, что у неё есть недостатки... но такие? Будь всё проклято! Будь проклят мой дядюшка! Что мне делать? Что? Я должен немедленно что то предпринять... немедленно, иначе... ему придётся жениться на этой, этой... он даже слова подходящего найти не может..... Проклятье, мне придется жениться на уродине!

Генриетта наблюдала за Луи так, как коршун обычно наблюдает за своей будущей добычей. Она надеялась, очень надеялась, что её игра останется незамеченной. И уповала на то, что её слова достигнут намеченной цели. В эти несколько мгновений, после нанесения ею нацеленного удара Генриетта ощущала напряжение во всём теле. Но оно начало уходить, как только она заметила перемены на лице графа. Лицо графа стало меняться. Улыбка пропала. На щеках появилась лёгкая бледность. Взгляд помрачнел. Аппетит, по всей видимости, вообще пропал. Граф, перестал есть, хотя по-прежнему ковырял ложкой в тарелке. Граф продолжал меняться на глазах. Вскоре, Генриетта увидела, что он совершенно расстроился. Каждая подобная перемена в графе, проливалась целебным бальзамом на душу Генриетты. Поглощённая наблюдением за графом, она не замечала взгляда своего слуги. Журден смотрел на неё, едва ли не с ненавистью. Затем, он бросал ободряющий взгляд на графа Луи, словно пытаясь сказать ему:

– Пожалуйста не сдавайтесь. Мы рядом с вами. Мы поможем вам, только не сдавайтесь.

Граф Луи поднялся. Выглядел он совершенно мрачным и расстроенным. Генриетта злорадовалась. Посмел поднять на неё руку? Посмел унизить её при слугах? Так получите счёт господин граф! И это всего лишь начало плана возмездия. Если ты только посмеешь остаться здесь, во дворце – я уничтожу тебя. И никто, ничто тебя не спасёт. Но ты не посмеешь! – Генриетта проводила выходящего графа молчаливым, полным злорадовства взглядом. Её счастье, что графу невозможно было заглянуть под вуаль.

– Вы покидаете меня граф? – Генриетта остановила его притворно жалобным голосом.

Граф Луи на мгновение остановился и не глядя на Генриетту, выдавил из себя.

– Мне, мне необходимо уехать. Рад был... познакомится миледи!

Граф Луи поспешно покинул столовую. После его ухода, Генриетта пришедшая в прекрасное расположение духа, обратилась резким повелительным голосом к Диманшу.

– Принесёшь поесть в мою комнату. И ещё..., после того как этот мерзавец уберётся из дворца, а я уверена, что это произойдёт с минуты на минуту – мы с тобой побеседуем на тему, каким должен быть слуга в моём доме? И кого он должен слушать? Кому служить? А ещё лучше – продолжала Генриетта с жёсткой интонацией в голосе, если ты начнёшь подыскивать себе другое место.

Диманш склонил голову перед Генриеттой.

– Хорошо миледи!

Не забыв бросить презрительно надменный взгляд на слугу, Генриетта покинула столовую и поднялась к себе. В столовую тут же ворвались несколько служанок и закидали Диманша

вопросами. Облик Диманша, почти в точности соответствовал облику графа, когда тот покинул столовую. На все вопросы, он коротко ответил:

– Граф уезжает. Я тоже!

Это новость, вскоре облетела весь дворец. Воспарявшие было духом слуги после приезда графа, снова впали в уныние. Ничего не менялось. Эта ведьма снова, в который раз взяла вверх.

Виконт де Валиньи, от которого укрылось происшествие в столовой, спускался по лестнице, собираясь выйти во двор. По дороге в холл дворца, он высматривал фигуру своего друга. Но Луи, по всей видимости, всё ещё находился в столовой и беседовал со своей будущей супругой.

Де Валиньи вздохнул вначале, а потом широко улыбнулся. Он, несомненно сочувствовал своему другу, прекрасно зная его ненависть к такому тонкому понятию, как «брак». Но не мог сдержать улыбку, представив себе Луи пытающего произвести дурное впечатление на герцогиню Орлеанскую.

У подножья лестницы, он едва не споткнулся об одного из слуг. Слуга, стоя на коленях вытирал статую молодой девушки выполненной в Римском стиле. Точно такая же статуя стояла с другой стороны лестницы. Статуи, красиво вписывались в архитектурный стиль дворца. Обе, как бы давали начало широкой лестницы и в то же время, приглашали пройти наверх. Валиньи сделал последний вывод исходя из позы статуи. Правая и соответственно левая рука статуй были направлены в сторону лестницы.

Де Валиньи обошёл слугу. При этом, его удивило выражение лица последнего. Он был донельзя расстроен.

Наверное, попало от хозяев – подумал было Валиньи, но тут увидел двух служанок несущих постельное бельё. Они прошли мимо него с точно такими же расстроенными лицами. И уже у входа в столовую, он увидел Журдена. Тот выглядел ещё более расстроенным.

Виконту де Валиньи оставалось только поражаться. Настолько изменилось поведение и облик дворцовой прислуги за те несколько часов, что они провели здесь. Вначале, любопытные и явно весёлые. Сейчас, замкнутые и расстроенные.

Да что, чёрт побери происходит в этом дворце? – де Валиньи был крайне заинтригован происходящим. Но не стал размышлять на эту тему, а остановил Журдена и спросил:

– Любезный, вы случаем не видели моего друга, графа Луи!

– Он уехал ваша светлость!

Отвечая на этот вопрос, Журден ещё больше помрачнел.

– Уехал? – словно эхо повторил де Валиньи, – странно, что он меня не предупредил. А вы не знаете, куда именно отправился граф, любезный?

– По всей вероятности домой!

Виконт де Валиньи, услышав эти слова, расхохотался.

– Ну уж нет любезный. Это единственное место, куда граф наверняка не отправится. В ближайший месяц, по крайней мере. Наверняка, он находится в одной из харчевен. Исходя из этих соображений, я бы попросил вас любезный, подсказать – есть ли приличное для дворянина местечко поблизости от дворца?

Журден с некоторым удивлением слушал речь виконта де Валиньи. Едва тот закончил, как Журден с непоколебимой уверенностью ответил.

– Ваша светлость заблуждается. Граф покинул дворец. Он уехал из Орлеана. Я уверен в этом.

– Уверены? Вот как? – виконт де Валиньи явно наслаждался заблуждением этого человека. Он знал Луи более пяти лет и тем не менее, никогда бы не смог с уверенностью предположить, что тот собирается сделать в следующую минуту.

– Да ваша светлость!

– И почему же интересно, вы решили, что граф покинул Орлеан? – поинтересовался де Валиньи, не переставая при этом насмешливо улыбаться.

Журден опустил голову и негромко ответил:

– Произошли неприятности ваша светлость. Эти неприятности расстроили монсеньора. Вот он и покинул нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.